

ПРАВО

№ 29.

1908 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., д. № 19. Телефонъ 41—61.
КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:
Прив.-доц. В. М. ГЕССЕНЪ.

Лекціи по полицейскому праву.

На правахъ рукописи. Выпускъ I. СПб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.
ТОГО-ЖЕ АВТОРА. Исключительное положеніе. 1908 г. Ц. 2 р.
— О неприкосновенности личности. 1908 г. Ц. 50 к.
— На рубежѣ. Сборникъ статей. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Прив.-доц. АЛ. ПИЛЕНКО.

РУССКІЕ ПАРЛАМЕНТСКІЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ.

Выпускъ второй. СПб. 1908 г. Ц. 70 к.
ТОГО-ЖЕ АВТОРА: Русскіе парламентскіе прецеденты Вып. I. 1908 г. Ц. 50 к.
— Привилегіи на изобрѣтенія. Практическое руководство. Изд. 3-ье 1907 г. Ц. 85 к.
— Право изобрѣтателя. Т. I. 1902 г. Ц. 3 р., Т. II. 1903 г. Ц. 2 р.
— Указатели къ стенограф. отчетамъ I Государственной Думы. 1907 г. Ц. 40 к.

Проф. бар. С. А. КОРФЪ.

ФЕДЕРАЛИЗМЪ.

СПБ., 1908 г. Ц. 75 коп.
ТОГО-ЖЕ АВТОРА: Исторія русской государственности. Т. I. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г. г. 1906 г. Ц. 4 р.

- ❖ „Всеобщая Библіотека“ В. I. Грановскій. — Четыре характеристики. В. II. Грибоѣдовъ. — Горе отъ ума. В. III. Гюго. — Избранныя стихотворенія. В. IV. Шекспиръ. — Гамлетъ. В. V—VI. Сервантесъ. — Донъ-Кихотъ. В. VII. Никольскій. — Морозовщина. В. VIII—X. Базенъ. — Умирающая земля. Романъ. В. XXII. Загоскинъ. — Кузьма Рощинъ. Цѣна выпуска 10 к.
- ❖ Гефдингъ, Г. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. 5-ое русск. изд. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ❖ Зомъ, Р. Институціи. Учебникъ исторіи и системы римскаго гражданскаго права. В. I. 1908 г. Ц. 1 р.
- ❖ Каблуковъ, Н. А. Студенческій квартирный вопросъ въ Москвѣ. 1908 г. Ц. 25 к.
- ❖ Киппъ, Т. Исторія источниковъ римскаго права. 1908 г. Ц. 1 р.
- ❖ Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ. Русское государственное право. В. II. 1908 г. Ц. 1 р. Вып. I. Ц. 60 к.
- ❖ Летурно, Ш. Нравственность. 1909 г. Ц. 1 р.
- ❖ Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и раскола. Подъ ред. В. Бончъ-Бруевича В. I. 1908 г. Ц. 2 р.
- ❖ „Минувшіе годы“. Июль. 1908 г. Ц. 1 р.
- ❖ Робинсонъ, Л. Историко-философскіе этюды. 1908 г. Ц. 80 к.
- ❖ Рубакинъ, Н. А. Исторія русской земли. Кн. I—III. Изд. 2-е. 1908 г. Ц. 70 к.
- ❖ Сабининъ, Л. X. Какъ наслѣднику по закону или завѣщанію укрѣпиться въ правахъ наслѣдства. 1908 г. Ц. 50 к.
- ❖ Сборникъ законовъ и распоряженій по землеустройству. 1908 г. Ц. 4 р.
- ❖ „Трагедіи жизни“. В. I. Дѣло Прасковьи Качки. 1908 г. Ц. 12 к.
- ❖ ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА (Сессія I). Отчетъ фракціи народной свободы съ приложеніемъ рѣчей депутатовъ. 1908 г. Ц. 60 к.
- ❖ Условія приѣма въ правит. и частныя высшія учебныя заведенія С.-Петерб. въ 1908/9 г. Ц. 45 к.
- ❖ Bernhöft, Fr. Prof. Rechtsfragen des täglichen Lebens. I Heft. Vom Finden. St. 1908. Ц. 60 к.
- ❖ Bernstein, Ed. Sozialismus und Demokratie in der grossen englischen Revolution. St. 1908. Ц.
- ❖ Doerr, F. Der fortgesetzte Delikt. St. 1908. Ц. 3 р.
- ❖ Endemann, F. Prof. Lehrbuch d. Bürgerlichen Rechts. II Band. Familienrecht, B. 1908. Ц. 8 р.
- ❖ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. 3-te Aufl. 5-te Lief. Ц. 1 р. 25 к. 6 te Lief. Ц. 1 р. 25 к.
- ❖ Girard, P. Prof. Geschichte und System des römischen Rechtes. II Band. Teil. B. 1908. Ц. 5 р.
- ❖ Kloess, A. Das deutsche Wasserrecht. H. 1908. Ц. 3 р. 30 к.
- ❖ Kohler, J. Prof. Einführung in die Rechtswissenschaft. 3-te Aufl. L. 1908. Ц. 3 р.
- ❖ Lotmar, Ph. Der Arbeitsvertrag nach dem Privatrecht d. deutschen Reiches. B. II. 1908. Ц. 11 р.
- ❖ Paquet, A. Das Ausstellungsproblem in der Volkswirtschaft. J. 1908. Ц. 4 р. 50 к.
- ❖ Terminkalender für Preussische Justizbeamte. 1908. Ц. 1 р. 90 к.
- ❖ Valois, V. Deutschland als Seemacht. L. 1908. Ц. 2 р.
- ❖ Volder, B. Die deutsche Gewerbepolitik. L. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- ❖ Wenck. Die Geschichte und Ziele der deutschen Sozialpolitik. L. 1908. Ц. 2 р.

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1908 г.

№ 29.

Воскресенье 20 іюля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: приватъ-доцента В. М. Гессена, І. В. Гессена, приватъ-доцентовъ А. И. Каминка и Н. И. Лазаревскаго, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Строительство и разрушеніе въ нашей высшей школѣ. Ив. Гревса. 2) О государственныхъ преступленіяхъ по дѣйствующему русскому праву (законъ и судебная практика). Н. Н. Полянскаго. 3) Новый германскій законъ о союзахъ и собраніяхъ. В. Л. 4) Дѣйствія правительства. 5) Судебные отчеты: а) Гродненскій окружн. судъ (Дѣло о бѣлостокскомъ погромѣ). 6) Хроника. 7) Отвѣты редакціи. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

Строительство и разрушеніе въ нашей высшей школѣ.

Въ странахъ, гдѣ на низкомъ уровнѣ стоитъ культура, гдѣ съ трудомъ упрочиваются духовныя традиціи, а идеи рождаются съ болѣзненными усиліями, распространяются среди тяжелыхъ препятствій, особенно великое значеніе приобрѣтаютъ институты, которые служатъ специальными органами созиданія и накопленія, роста и передачи умственныхъ благъ. Среди подобныхъ учрежденій одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ школа; а въ работѣ ея различныхъ типовъ, быть можетъ, самая крупная роль принадлежитъ школѣ высшей, университету. Здѣсь создается и раздается послѣднее слово полного знанія, открывается и сообщается научная истина. Въ немъ и заканчивается общее развитіе личности лучшихъ сыновъ отечества, подготовляющихся къ сознательной жизни и активной дѣятельности; тамъ же закладываются зерна и возможности процесса ея дальнѣйшаго подъема, которыя, связуя жизненную работу съ годами ученія, двигаютъ первую силами, зачатými въ глубинѣ вторыхъ и тогда получившими источникъ повторнаго обновленія. Онъ, наконецъ, централизуетъ около себя ученое дружество, коллективнымъ трудомъ котораго постоянно долженъ зажигаться и поддерживаться огонь,

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

дающій людямъ самый цѣнный свѣтъ—свѣтъ познанія смысла жизни. Университетъ—это совершеннѣйшая рабочая мастерская, лабораторія идеальныхъ цѣнностей духа; университетъ—это и достойный высочайшаго почитанія храмъ, гдѣ проповѣдуется чистая правда о мірѣ.—Поэтому, степень авторитета, который признается за университетомъ, сила уваженія къ нему, проявляемаго въ политикѣ государства, въ мнѣніи общества, въ сознаніи подрастающихъ поколѣній—являются очень серьезнымъ критеріемъ для діагноза культурнаго здоровья страны и прогноза ея ближайшаго будущаго.

Въ настоящій критическій моментъ, переживаемый родиной, когда колебались приобрѣтенныя обществомъ права, черныя тучи собрались вновь и надъ школою. Вопросъ о ея благополучіи глубоко волнуетъ общество, сильно занимаетъ и народное представительство. Оттого обсужденіе бюджета мин. нар. просвѣщенія въ государственной думѣ приняло такой широкій характеръ принципиальной критики правительственной школьной системы. Думскія пренія, однако не выяснили въ полной мѣрѣ положенія университетовъ. Не дали успокоительныхъ надеждъ и объясненія министра. Передъ лицомъ грозящаго разрушенія очаговъ культуры,—долгъ каждого работника школы говорить всю правду по совѣсти о томъ, что давно уже давить и въ

коряѣ подрываетъ у насъ просвѣтительный трудъ, внѣ высокаго расцвѣта котораго нѣтъ спасенія родной землѣ.

Въ школѣ мерзость заустѣнія, кричатъ реакціонеры. Университеты—гнѣздилище революціи. Люди, честно работающіе въ дѣлѣ научнаго преподаванія, могутъ сказать и доказать, что это злая и вредная неправда. Я и хочу попытаться пояснить, на какую дорогу удалось поставить жизнь высшей школы совѣтамъ профессоровъ послѣ приобритенія автономіи, какъ бы тяжело и неправильно ни оставалось еще ея положеніе среди гнетущихъ пережитковъ темной старины. Но чтобы именно освѣтить, какое препятствіе все еще стоитъ на пути дальнѣйшаго развитія дѣла просвѣщенія, необходимо представить, откуда дѣйствительно произошло внѣдреніе политики въ школу. Это—великое зло, съ которымъ мы, дѣятели университетовъ, боремся въ настоящемъ изо всѣхъ силъ, средствами, признаваемыми нами достойными. Для поясненія этого приходится вернуться къ прошлому, постараться опровергнуть разсѣваемыя справа опасныя иллюзіи, начертить, откуда пошла бѣда, и что ее поддерживаетъ. Рассказывать фактическую исторію разложенія университетовъ мнѣ нѣтъ возможности, не привлекая къ дѣлу множества документовъ, не находящихся нынѣ у меня подъ рукою. Для такого изслѣдованія нѣтъ и мѣста въ текущей статьѣ, отвѣчающей срочно на тягостную злобу дня. Но мнѣ кажется, что и въ общемъ, принципиальномъ очеркѣ можно возстановить главную линію развитія того несчастья, отъ котораго погибаетъ университетъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезаетъ сила, которая должна ввести Россію въ доброе будущее. Думаю, что каждое свободное, убѣжденное слово освѣдомленнаго человѣка, кому дорого отечественное просвѣщеніе, можетъ содѣйствовать открытію глазъ и опредѣленію выхода, какъ устранить большое и зловѣщее бѣдствіе.

I.

Въ государствахъ съ отсталымъ развитіемъ, гдѣ вслѣдствіе печальной комбинаціи историческихъ условій не образовалось въ обществѣ крѣпкихъ независимыхъ организацій, гдѣ не выросло въ немъ мужественнаго самочувствія, смѣлой и твердой инициативы, гдѣ оно не завоевало себѣ простора для самостоятельности, тамъ въ силу вещей, съ особенною значительностью выступаетъ впередъ обязанность и отвѣтственность правительствъ въ дѣлѣ содѣйствія народному просвѣщенію. Но тутъ то оно далеко не всегда оказывается на высотѣ призванія. Дѣлая многое, оно многое же и существенно портитъ, мѣшая естественному развитію своихъ же собственныхъ начинаній.

Въ Западной Европѣ, унаслѣдовавшей традиціи великой античной цивилизаціи, издревле существовали могучіе общественные союзы.

Церковь и ея конгрегаціи, городскія общины, цехи и другія ассоціаціи, даже феодальныя мірки и рыцарскія братства,—все эти группы цѣнили, каждая въ своемъ вкусѣ, духовныя блага, каждая заботилась о нуждахъ просвѣщенія и въ частности устраивала свои школы. Все они явились орудіями при созиданіи богатой, разнообразной и дѣятельной, постоянно прогрессирующей культуры. Во взаимодействіи и конкуренціи, въ солидарности и борьбѣ накоплялось умственное достояніе, росла сила критическаго и творческаго разума націй. У насъ, наоборотъ, народу, отгнѣсненному отъ географической площади, на которой совершался интенсивнѣйшимъ образомъ процессъ развитія цивилизаціи, не посчастливилось воспринять сильнаго преданія живой и цвѣтущей образованности. Византійскія вліянія шли въ Россію слабо и прерывисто; они къ тому же дѣйствовали на русскую жизнь не лучшими сторонами этой также славной культуры, развивались неправильно и не встрѣтили на Руси благопріятной, быстро усваивавшей и активно перерабатывавшей среды. Съ другой стороны, тяжелый ходъ многострадальной исторіи русскаго народа мрачно приводилъ къ постоянно возобновлявшемуся разброду социальныхъ силъ и разрыву общественныхъ связей. Потому то для древняго русскаго общества оказалось непосильнымъ, какъ въ матеріальномъ смыслѣ (по бѣдности), такъ и въ духовномъ (по культурной пассивности) взять на себя образовательныя задачи, нести заботу о собственномъ просвѣщеніи. Государство раньше почувствовало потребность въ образованіи, т. е., необходимость извѣстнаго числа знающихъ, технически развитыхъ слугъ. Оно же уразумѣло важность поднятія энергіи общества черезъ проясненіе его сознанія. Результатомъ этого явилась сильная просвѣтительная струя въ реформахъ Петра В., подготовленная исканіями предшествующей эпохи.

Монархическое государство дало русскому обществу школу, обезпечивъ ее средствами; но оно же взяло работу ея подъ свою властную опеку, руководствуясь началомъ: государство учить общество, чтобы оно лучше служило его цѣлямъ. Никакая сильная корпорація не смогла противопоставить государственному собственныя просвѣтительныя починъ и тѣмъ ослаблять умственную монополію государства. Духовенство было въ общемъ невѣжественно, и вся церковь давно отдалась государству, какъ покорное орудіе. Дворянство въ массѣ коснѣло въ полуварварскомъ грубомъ состояніи «простаковщины». Одинъ лишь высшій его слой наружно усваивалъ шедшія съ Запада теченія; но и онъ долго подчинялся сигналамъ, выходившимъ изъ тѣсныхъ правящихъ сферъ, оставался несамостоятеленъ въ умственныхъ стремленіяхъ, какъ онъ былъ слабъ и въ политическихъ. Промышленный классъ, какъ элементъ просвѣтительнаго сози-

данія, у насъ отсутствовалъ,—и вотъ на исторію русской школы легла глубокая печать «государственности».

Къ созданію идейныхъ противотеченій направлялись долгое время лишь уединенныя усилія отдѣльныхъ выдающихся личностей. Но имъ и здѣсь, въ области реформъ просвѣщенія, какъ и въ области политическихъ новшествъ, не удавалось объединяться въ внушительныя группы, пріобрѣтать социальную упругость, нужную для успѣшной борьбы съ исключительнымъ преобладаніемъ официальной образованности. Оппозицію ихъ легко давило государство. Идеалистамъ-преобразователямъ просвѣщенія приходилось у насъ чаще всего дѣйствовать въ рамкахъ государственной школы, и передъ ними ставилась тяжелая дилемма—либо ломать себя подъ сверху одобренный шаблонъ, либо оказываться извергнутыми изъ дорогого духу ихъ дѣла.

Нигдѣ, кажется, господство государственной школы не утверждалось такъ сильно и такъ надолго, какъ въ Россіи. Хорошо ли то было? Счастливою ли оказалась подобная комбинація? На такой вопросъ врядъ ли можетъ быть два справедливыхъ отвѣта. Всякій, кто способенъ смотрѣть на развитіе русской государственности за послѣдніе два вѣка, особенно въ послѣдній, XIX-й, открытымъ безпристрастнымъ взоромъ, свободнымъ отъ ложно-патріотическихъ призмъ, кто можетъ оцѣнивать явленія исторіи серьезно и добросовѣстно, умѣя очищать себя отъ партійной горечи или ненависти,—долженъ сказать: то была большая бѣда, такое полное отсутствіе свободной и равномѣрной мирной конкуренціи общества съ государствомъ въ дѣлѣ созиданія школы.

Принципъ государственной школы—самъ по себѣ, могущественная сила; только при дѣйствіи ея становятся осуществимы многія труднѣйшія, существенныя задачи народнаго образованія. Но если онъ пріобрѣтаетъ подавляющее господство въ духовной жизни страны, то становится опаснымъ для успѣховъ просвѣщенія. Школа для своего нормальнаго развитія требуетъ свободы. Культура—самодовлѣющая цѣнность, и лабораторія, гдѣ творятся культурныя блага, должна пользоваться широкимъ просторомъ для самоопредѣленія, а работающій въ нихъ персоналъ довѣріемъ, уваженіемъ и благожелательною поддержкою. Между тѣмъ государство почти фатально стремится подчинить идею школы и ея трудъ на пользу вѣчной высокой цѣли добыванія и сообщенія истины своему настоящему, временному интересу. А послѣдній часто оказывается чуждымъ основной, высшей проблемѣ науки и знанія, иногда даже искажающимъ ее.

«Государственное просвѣщеніе»—это открытіе сравнительно новое. Древность и средніе вѣка почти не знали государственной школы. Это открытіе было бы великимъ и только плодотворнымъ, если бы государство умѣло, при опредѣленіи своей роли и правъ въ данной сферѣ,

налагать на себя разумное ограниченіе. Вполнѣ было бы правильно, если бы оно брало на себя организацію общаго плана образованія въ странѣ, заботилось бы объ обезпеченіи школьнаго бюджета, а затѣмъ наблюдало бы за ходомъ начертанной системы. Ему же, естественно, принадлежалъ бы, какъ и въ другихъ областяхъ управленія, надзоръ за законмѣрностью работы школы и добросовѣстностью ея дѣятелей. При такомъ сочетаніи условій государствомъ выполнялось бы громадное дѣло, притомъ непосильное никакому другому фактору въ жизни общества. Но оно, обыкновенно, не довольствуется такими функциями, а мало по малу превращаетъ школу изъ естественно развивающагося явленія въ бытіи организма народнаго въ искусственное орудіе своей политики. При такомъ подчиненіи просвѣщенія власти государства, живая и своеобразная душа перваго можетъ приводиться второю къ нулю.

Знаменитаго Решилье можно назвать первымъ виднымъ теоретикомъ государственнаго руководства просвѣщеніемъ. Ему не удалось самому провести въ жизнь смѣлый замыселъ сдѣлать изъ науки и литературы, направляемыхъ правительствомъ, проводниковъ идеи абсолютизма. Но имъ брошенъ былъ девизъ, нашедшій хорошій резонансъ подъ куполами очень различныхъ государственныхъ зданій. Кардиналъ-правитель мечталъ облечь всѣ верхи общества въ блестящія, но предписанныя одежды официальной культуры, которая славилась бы «самодержавную монархію». Онъ не успѣлъ устроить казенной школы, которая подготовила бы вѣрныхъ слугъ великому королю изъ среды знати. Но уже съ нѣкоторою тревогою посматривалъ его зоркій взглядъ на низы: уже философствовалъ, что для народной массы, дабы она не возманила о себѣ и не проявила мятежнаго духа, спасительна—какъ бѣдность, такъ и духовная темнота. Государство, поясняя онъ, въ которомъ всѣ будутъ образованы, уподобится многоглавому звѣрю, и не будетъ порядка въ немъ отъ многомыслія.

Вотъ—первый представитель идеи государственной опеки надъ просвѣщеніемъ пришелъ къ выводу, что лучшею формою умственного воздѣйствія власти на народъ будетъ охрана его невѣжества. Не всѣ правительственныя системы были такъ безжалостны. Просвѣщенный абсолютизмъ, напримѣръ, вѣрилъ въ то, что развитіе въ народѣ образованія будетъ соотвѣтствовать крѣпости разумно дѣйствующаго сильнаго монархическаго государства. Но и онъ ломалъ общественныя традиціи и народныя вѣрованія въ школѣ, литературѣ, религіи въ угоду поставленнымъ политическимъ цѣлямъ. Не одни монархическія, но и республиканскія правительства насилуютъ въ своихъ интересахъ ходъ и содержаніе просвѣщенія. Такъ поступали верховныя власти великой французской революціи. Такъ до сихъ поръ скверно строятъ свое отношеніе

къ школѣ въ формахъ строгой регламентаціи о государственной школѣ (дажѣ въ смыслѣ предуказанія въ школахъ духа преподаванія) правительство третьей французской республики.

Такимъ образомъ, государственная власть разныхъ типовъ при организаціи школьнаго дѣла обнаруживаетъ неминуемый (быть можетъ, не всегда сознаваемый) эгоизмъ. Во всякомъ случаѣ, государственное руководство школою требуетъ коррективы. И таковымъ является отвѣтственность его органовъ передъ представительствомъ общественной воли, съ одной стороны, и опредѣленная независимость самой школы отъ администраціи, съ другой,—общественный контроль и автономія. Только въ свободномъ государствѣ можетъ школа отстаивать себя отъ попытокъ давленія со стороны власти, и только свободная школа подготавливаетъ рожденіе и ростъ просвѣщенныхъ поколѣній, лучшей надежды отечества, опоры его будущаго. Не школа какъ поддержка силы сложившагося государства, а школа какъ средство одухотворенія общества нужна народу для его очеловѣченія. Подъ такимъ знаменемъ работаютъ любящіе его просвѣтители; его должны признавать и государственные дѣятели, одушевленные чувствомъ долга передъ народомъ.

II.

У насъ было время въ XVIII в., въ Петровскую и Екатерининскую эпохи, когда правительство стояло выше общества въ пониманіи задачъ просвѣщенія, когда оно было въ силахъ и желало создавать народное образованіе, тогда оно двигало общество къ знанію, бросало въ него культурныя сѣмена, вызывало литературныя теченія, намѣчало идейные пути. Но и тамъ оно по существу оказалось неспособнымъ отдаться идеальному мотиву, оставалось на почвѣ «государственной пользы», довольно узко понимавшейся, строило школы, руководствуясь лишь утилитарною точкою зрѣнія сдѣлать изъ нихъ мѣста для подготовки не образованныхъ людей, а практическихъ специалистовъ. Петръ В. гениальною интуиціею могъ подняться до одушевленія высокою теоретическою цѣлью, преклониться предъ безкорыстнымъ исканіемъ истины и поддержать смѣлымъ сочувствіемъ идейный планъ. Но Екатерининскій либерализмъ быстро принялъ характеръ игры, и вольтеріанство ея сотрудниковъ на дѣлѣ уживалось съ расширеніемъ крѣпостного права. При Александрѣ I-мъ устроено было много школъ высшихъ и низшихъ; но идейная жизнь новой школы скоро оказалась сжатою въ тиски, и гуманистическія начинанія силою вещей стали предметомъ работы тайныхъ обществъ, ибо свободная жизнь была отождествлена съ революціоннымъ замысломъ.

Увлеченъ идеальною цѣлью гуманистическаго развитія—это вообще не въ природѣ государственной власти, какъ таковой. Ей болѣе присуще стремленіе къ дисциплинѣ, чѣмъ къ идеѣ,

къ охраненію болѣе, чѣмъ къ творчеству. Такія струи возникаютъ въ глубинахъ общественнаго сознанія, вырываются изъ тайниковъ народной души, наполняютъ мысль и волю замѣчательной личности. И великое благо культурному развитію той страны, гдѣ гениальные идеалисты могутъ хоть иногда становиться авторитетными руководителями въ государствѣ. Чтобы это было возможно, требуется нормальное взаимодействіе между государствомъ и обществомъ, правительственнымъ слоемъ и народомъ. Необходимо, чтобы правительство чутко прислушивалось къ звукамъ растущихъ общественныхъ силъ, всегда сохраняло вѣрность служенію назрѣвающимъ потребностямъ общества, всегда было готово осуществлять великое правило: государство для блага народа. Мысль о такого рода отношеніи между властью имущими и властью подчиненными нельзя назвать только утопіею: бывали эпохи, когда реализовалось такое энергичное несеніе государствомъ народныхъ нуждъ, когда правительство являлось надежнымъ средствомъ питанія общественнаго организма. Такія эпохи оказывались моментами великаго подъема, блестящаго развитія, въ нихъ заключались основы прогресса человѣчества.

Наша отечественная исторія въ XIX в. не можетъ быть причислена къ подобнымъ счастливымъ временамъ. Это — грандіозная фаза въ эволюціи жизни русскаго народа; но она развертывалась съ тяжелыми страданіями. Въ глубинѣ ея совершился огромный ростъ общественнаго сознанія; но когда мы изслѣдуемъ отношенія правительственной власти къ этому гражданскому факту, то часто видишь въ ней не опору движенію, а упрямый отпоръ, цѣпкую охрану неподвижности, боязнь выпустить общество изъ зависимости, ослабить принудительную опеку государства. Одинъ современный видный сотрудникъ нашего министерства народн. просв., самъ носящій высокое ученое званіе, на официальномъ собраніи, гдѣ обсуждалась программа старшаго класса средне-учебныхъ заведеній, высказалъ въ присутствіи пишущаго эти строки слѣдующую мысль: «Исторію XIX в. нельзя признать допустимымъ образовательнымъ матеріаломъ въ школѣ потому, что она выражается въ борьбѣ народовъ съ ихъ правительствами». — Это трагически-характерныя слова. — Въ нихъ превосходно воплощены основныя свойства деспотизма и реакціи — боязнь истины и вѣра во всемогущество запрета сверху: не будутъ знать, что могутъ народы бороться съ правительствами и не станутъ бороться сами. Останавливать движеніе, закрывая путь къ истинѣ, господствовать силою темноты. Можно было бы отнести только съ презрительнымъ сожалѣніемъ къ грубому убожеству подобнаго взгляда, если бы онъ не пользовался распространеніемъ въ средѣ власти имущихъ и тѣмъ не пріобрѣталъ значенія широко давящаго зла.

Слѣдуя за авторомъ приведеннаго афоризма

по дорогѣ упрощенныхъ концепцій историческаго процесса, можно было бы сказать, что въ Россіи исторія XIX в. «сводится» къ упорной борьбѣ правительства со всякою формою свободнаго движенія въ обществѣ. Но если даже остаться вѣрнымъ пониманію сложности этого процесса, все же придется констатировать, что только что указанная борьба занимала видное мѣсто въ томъ, что пережито длиннымъ рядомъ русскихъ поколѣній, начиная съ александровской эпохи.

Абсолютная монархія дала русскому обществу академію, университеты, гимназіи, семинаріи... А затѣмъ тяжелая масса его усилій направилась на обузданіе того, что плодится этими учрежденіями — самосознанія, независимости мысли, потребности строить жизнь по велѣніямъ открываемой знаніемъ истины, самостоятельно участвовать въ строительствѣ общественнаго блага, добиваться политическихъ и социальныхъ реформъ. Одна рука насаждала, другая искореняла родившееся. Власть построила формы, а затѣмъ принялась мертвить наполнявшій ихъ духъ.

Возвращаясь прямо къ предмету, насъ здѣсь интересующему, къ жизни университетовъ, что найдемъ мы отраднаго, ободряющаго, прослѣдивъ исторію отношенія къ нимъ министерства нар. просв. съ самаго момента учрежденія этого вѣдомства ¹⁾? Едва ли отклонимся мы отъ правды, если скажемъ, что исторія эта была цѣлью усилій официальныхъ просвѣтителей угашать потокъ освободительной мысли, который вливался въ стѣны школы мужественнымъ натискомъ бившагося за свои высшіе интересы общества. Біографія людей, отдававшихъ свои силы на служеніе наукѣ, на сближеніе съ нею юношества путемъ убѣжденнаго слова съ университетской кафедрой, путемъ постоянной работы за научнымъ столомъ, — легко складывалась въ типичную форму тягостныхъ страданій за любимое дѣло, оканчивавшихся часто разбитою жизнью съ сознаніемъ пропавшихъ трудовъ, исковерканнаго призванія. Достаточно вспомнить мрачныя картины прошлаго нашихъ университетовъ во вторую половину царствованія Александра I,

¹⁾ Я не хотѣлъ бы быть преувеличенно понятнымъ и потому оговариваюсь: въ мою цѣль не входитъ воспроизведеніе всей линіи работы нашего вѣдомства нар. просвѣщенія. Силою вещей оно должно было дѣлать и дѣлало много положительнаго, необходимаго и важнаго, безъ чего нельзя было жить крупному государству, вошедшему въ составъ европейскихъ культурныхъ великихъ державъ. Я стремлюсь здѣсь подчеркнуть только отрицательное теченіе, которое сопровождало почти всякую и благую его инициативу, подрывало плодотворность предпринятаго. Нельзя правительству твердо служить обществу, разъ оно ему не довѣряетъ; нельзя послѣдовательно осуществлять цѣль, естественныхъ, неизбежныхъ результатовъ которой страшишься; нельзя лить свѣтъ тому, кто рѣшительно не отказался искать защиты въ тѣмъ. Такое сочетаніе вещей подрывало усилія лучшихъ дѣятелей министерства народнаго просвѣщенія.

ихъ жестокая судьба во всю николаевскую эпоху, чтобы признать выставленный тезисъ не требующимъ доказательствъ. Только самоотверженною работою этихъ людей, только выносливостью идеализма русской молодежи держалось и двигалось просвѣщеніе въ 20, 30, 40 и 50-ые годы. Честь и слава этимъ труженикамъ, этимъ не терявшимъ энергіи въ исканіи умственнаго свѣта поколѣніямъ сыновъ русскаго народа! Но гдѣ же здѣсь созидательная работа мин. нар. просвѣщенія?

Общество двигалось, несмотря на «препоны». Таково природное свойство развивающагося крѣпкаго организма. Трудно усиліямъ части — отсталого, реакціоннаго государства — побѣдить могучую потребность цѣлаго — остановить общественный ростъ великаго народа. И тутъ въ концѣ концовъ жизнь и свобода должна восторжествовать надъ неподвижностью рабства. Но сколько въ противоестественныхъ конфликтахъ общества съ правительствомъ, не хотѣвшимъ знать, признавать и понимать прогресса, съ чиновничествомъ, словно преданнымъ узкимъ, застывшимъ формуламъ, гарантирующимъ ихъ господство, — сколько гибло превосходныхъ умовъ и характеровъ, сколько даромъ тратили драгоценныхъ, невозвратимыхъ силъ! — Тѣ, кто долженъ былъ доставлять для работы питательныя средства, дѣйствовали часто обратно: государство закрыло доступъ воздуха внутрь имъ же устроенныхъ школъ. Оно вѣрило лишь въ предупредительный способъ старѣющихъ началъ.

Правительства, подобныя тѣмъ, которыя стали обычною дѣйствительностью въ Россіи XIX в., — не идутъ добровольно навстрѣчу обществу, когда видятъ, что оно выросло изъ пеленокъ для самостоятельнаго бытія. Имъ дорого хроническое младенчество общества. Ихъ идеаль — вѣчное, безконтрольное пѣстованье. Прислушиваться къ росту, уступать права — это для нихъ недоступная операція, недопустимая слабость. Они не чувствуютъ себя слугами народа, а застываютъ въ безотвѣтственномъ положеніи господъ. Всякое требованье обществомъ расширенія правъ рисуется имъ нарушеніемъ божескаго закона. Отвѣтъ на подобныя «революціи» у нихъ одинъ — насильственное подавленіе. Только тогда поддаются они напору общественныхъ силъ, когда грозный кризисъ обнаружитъ ихъ собственное безсилье, когда force majeure сложитъ оружіе, взывать къ самому обществу о помощи. — Подобное дѣйствіе произвелъ на русское государство роковой опытъ крымской войны. Севастопольскій разгромъ не былъ, извѣстно, только пораженіемъ армій, геройски сражавшихся, но приведенныхъ къ катастрофѣ бездарнымъ и бездумнымъ начальникомъ, истощенныхъ грабительствомъ поставщиковъ. То было крушеніе долготѣйшей системы, стоившей народу колоссальныхъ жертвъ деньгами, людьми, безпощадно загубленными интеллектуальными и моральными силами.

III.

Реформы царствования Александра II явились результатом подъема общественных сил, накопившихся исподволь (по непреложному закону эволюции обществ), несмотря на тяжелые условия его развития,—и развала николаевского режима. Эта эпоха, одна из самых светлых в истории новейшей России, много двинула вперед и просвещение. Монополия государства в области насаждения духовной культуры была ограничена обществом. В России, освобожденной от крепостного права, завоевавшей себе гласный суд и земство, появился автономный университет с уставом 63-го года, создана была народная школа. Казалось, настала заря избавления научного образования от произвола администрации, и умственной жизни народной массы от мрака невежества. Открывалась эра изжительной работы общества в области просвещения народа. Не изменит ли, под влиянием пережитых страшных уроков истории, своей системы и правительство? Не сдѣлает ли оно и своим делом начатой обществом работы всестороннего обновления всего русского строя? Сотрудничество правительства с обществом в великом подвиге достижения высших форм политического бытия путем мирного прогресса, без революционных гроз,—какой предстоял светлый путь, и как он казался тогда осуществимым для России, захотѣл бы только «старый порядок» сбросить обветшалую оболочку!

Для главных деятелей эпохи преобразований реформы 60-х годов представлялись, действительно, лишь фундаментом заложенного здания свободной России. Гражданское освобождение понималось как преддверье политического, падение крепостного права как первый шаг к установлению конституционного устройства. Та же перспектива чувствовалась и правящими сферами. Но то, что лучшими элементами общества приветствовалось как восходящее солнце, то людей, дороживших ветхим домом, страшило как грозный пожар. Снова вместо единения сил надвигался разлад, враждебное столкновение между движением, шедшим снизу, и неподвижностью, сохранявшеюся наверху. Зло уже ощущалось во время самого проведения реформ, в стремлении чиновничества и дворянства тотчас же их ограничивать. Вот отчего так скоро разочаровались в надеждах на правительство лучшие энтузиасты преобразований: дело парализовалось, не успѣвъ расцвѣсть, и это гасило радостный оптимизм, вызвало опасение за будущее. Главные творцы преобразований, устранявшиеся от их жизненного осуществления и замѣняемые противниками,—это был мрачный символ непрочности реформационного курса.

Мечтавшие о реставрации боязливо смотрѣли на новую школу: в расширившейся ей независимости они видѣли опасность; не хотѣли они

и утратить ее как орудие благонадежного воспитания умов.—Не стану преувеличивать заслуг автономных университетов 60-х годов. В жизни их обнаружилось много и темных пятен. Да и как могло быть иначе: из безправного общества не родятся сразу богатые общественной добросовѣстностью силы. Но именно против существовавших зол—проявлявшегося своекорыстия, хитрости, небрежности, пристрастия—мало боролось министерство. Оно гораздо больше искало «вредного духа», чѣм преслѣдовало действительныя беззаконія. И все же «годы первой автономии» были лучшею порою в истории нашей высшей школы. В нем развернули свои таланты наши самые замѣчательные ученые—натуралисты и математики, юристы и историки, филологи и философы. Их незначѣмъ поименовывать: всѣ, кому близки самые дорогие заветы нашего общественного развития, знают и помнят незабвенных учителей. В глубинѣ легче вздохнувших университетов утверждалось по настоящему научное учение, уважение в молодежи к науке, любовь к просвѣтленному знанию. Эти университеты подготовили выдающихся деятелей формированных учреждений—обновленных судов, родившагося земства. Они же внесли свѣжую стрелу и в работу бюрократического механизма: дали контингент людей, выносивших на плечах всю тяжесть отстаиванья реформ в пору самого мрачного реакционного безвременья.

Что касается земской народной школы, то она, можно сказать, была самым оригинальным и прочным созданием в истории русского просвещения, самым вдохновенно-идеалистическим и вмѣстѣ с тѣм реально-дѣловым. А это было чисто общественное создание. Министерство мало поддерживало народную школу. Оно больше давило ее свободу—гнало учителей; вытѣсняло хорошия книги, замѣняя их тенденціозно бездарными учебниками; налагало на школу вѣроисповѣдную нетерпимость, привлекая и духовенство к роли полицейских агентов, дѣлая и из преподаванія Закона Божія орудіе обузданія строптивыхъ.

При такой ориентировкѣ официальной политики уже в 70-ые годы, стало ясно, что школьным свободам не устоять. Толстовская система среднего образования, утвердившаяся в ту самую пору, когда естественным образом должны были прививаться к жизни послѣдствія освободительных реформ, и явилась боевым орудіем для возвращенія вспять. Публицистика Каткова рядом с практикой своеобразной классической гимназии строила суровую бездушную педагогическую идеологию полицейскаго государства. Это мрачная изъ мрачных страниц в прошлом русского просвещения ждет еще своего историка. Время всесторонней ее оцѣнки, может быть, еще не настало. В сердцах нынѣ живущих слишком жарко горит еще пламя ненависти жертв этой школы.

Съ тѣхъ поръ политика стала безусловно го-

сподствовать въ государственной школѣ. Инициаторы толстовской гимназіи, мотивируя реформу, постоянно ссылались на борьбу съ материализмомъ, нигилизмомъ и превратными политическими идеями. Страхъ передъ революціею становится всепоглощающею заботою правительства. Строгая школа должна служить обузданію мятежнаго духа. Трудное ученіе направлялось не къ закаленію ума, а къ подавленію воли. Совершался не подборъ сильныхъ, а дрессировка покорныхъ. Надобно было приготовить изъ забитаго мертвящимъ контролемъ, вѣчно принижаемаго ученика будущаго послушнаго начальству чиновника.

Революція—страшная вещь и великое бѣдствіе! Но какая мудрость ее предотвратить? Постоянное, честное шествіе впередъ правительства въ дружномъ сотрудничествѣ съ обществомъ по пути къ свободѣ и культурѣ съ выполненіемъ при этомъ очень важной задачи: умѣрять порывы, предохранять отъ скачковъ, но не тормозить движенія могучаго потока,—вотъ, какая великая и единственная дорога раскрывалась для власти, которая свято взялась бы за миссію спасти Россію отъ ужасовъ революціонныхъ потрясеній. Насиліемъ же, опутывавшимъ ребенка съ первыхъ шаговъ обученія, оно могло не воспитывать, а только озлоблять, готовить не преданныхъ слугъ, а тайныхъ враговъ, не препятствовать, а содѣйствовать революціи. Но незыблема у насъ въ правящихъ вѣра въ насиліе, въ возможность приказами повелѣть солнцу—«остановись», чрезвычайными охранами отгородиться отъ непобѣдимой силы органическаго роста общества, надзоромъ и преслѣдованіемъ обезпечить жизненность омертвѣлыхъ началъ, не вызывающихъ больше воодушевленія ни въ личностяхъ, ни въ массѣ.

Многимъ еще памятна картина толстовскаго режима въ школѣ. Всѣ знаютъ, сколько онъ загубилъ людей, какъ онъ, превративъ классицизмъ въ средство борьбы съ свободою, надолго лишилъ русское общество всякаго источника гуманизированія духа, культурнаго наслѣдія античныхъ народовъ, какъ онъ содѣйствовалъ одичанію умовъ и ломкѣ характеровъ. За толстовскою гимназіею послѣдовала деляновская. Извѣстно также, что послѣдняя была вырожденіемъ первой, и своимъ равнодушіемъ къ потребностямъ духа юныхъ поколѣній, вносила не меньше разврата, чѣмъ драконовская суровость толстовской. Механически холодная полицейщина ничѣмъ не хуже, чѣмъ политически-злобная. Определенная инерція была дана, и очистить отъ нея страну могъ только новый могучій подъемъ общественнаго труда и творчества.

Реформою гимназій политика гр. Толстого подбиралась и къ университетскимъ вольностямъ. Конечно, онъ былъ душою устава 1889 г., проведеннаго безразличною рукою его подручника Делянова.—Усиленія хлопоты правительства при его выработкѣ и при насажденіи въ

университетахъ обстановки, соответствующей его проведенію, направлялись тревожною заботою, какъ установить въ высшей школѣ такой строй, который гарантировалъ бы отъ студенческихъ беспорядковъ, отъ агитаціи революціонеровъ и отъ вліянія неблагонадежныхъ профессоровъ. Цѣль ставилась явно политическая. Великое слово свободы преподаванія, которую будто бы долженъ былъ осуществлять новый уставъ, звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ въ картинѣ мелкаго и подозрительнаго полицейзма, которымъ оказался опутаннымъ всякій актъ жизни университетовъ. Она не могла прививаться къ средѣ, лишенной самостоятельной жизни, какъ и принципъ классическаго образованія каменѣлъ въ атмосферѣ толстовской гимназіи.

Бюрократизація пополненія учащаго персонала должна была обезпечить будущее благонадежное студенчество отъ тлетворныхъ идей профессоровъ либераловъ. Лишеніе совѣтовъ власти должно было отнять у профессоровъ авторитетъ, замѣнивъ его произволомъ чуждаго университету начальника, попечителя. Строгий подборъ студентовъ, при посредствѣ точныхъ рекомендацій отъ полиціи и отъ гимназической администраціи, долженъ былъ отгородить высшую школу отъ вредныхъ элементовъ. Бдительный надзоръ строено установленныхъ и іерархически комбинированныхъ органовъ инспекціи за каждымъ шагомъ университетскаго населенія долженъ былъ держать въ рукахъ правительства всѣ нити жизни высшей школы. Полное разобщеніе, даже противопоставленіе другъ другу учащихся и учащихся, недопущеніе какихъ бы то ни было группировокъ между ними, доведенная до крайности «дезорганизація» университетскаго быта,—такимъ рисовался надежный путь оздоровленія умовъ въ подготовлявшихся поколѣніяхъ патріотовъ «историческихъ началъ» русскаго государства. Уставъ ввелъ для наименованія студентовъ характерное выраженіе «отдѣльныхъ посѣтителей». Профессора точно такъ же являлись «отдѣльными преподавателями». Сотни, тысячи людей, которые должны были пополнить университетъ живою энергіею совершающагося подъ грѣющимъ свѣтомъ науки органическаго роста умственной силы,—превращались въ механическіе агрегаты, сдвигавшіеся въ одну кучу мертвымъ прессомъ бюрократической субординаціи.

Тяжело говорить о годахъ дѣйствія устава 1884 г., до того остро чувство горя и возмущенія, которое вызывается въ душѣ каждого, любящаго дѣло просвѣщенія, картиною ужасною. Депутатъ О. И. Родичевъ сказалъ въ думѣ превосходную рѣчь, которая съ жгучею болью откликнулась въ сердцахъ каждого, причастнаго дѣйствіямъ русской школы за эти годы. Реакціонная печать обозвала эту рѣчь истерическимъ воплемъ или наивною риторикою студента 1-го курса. Но чѣмъ могутъ вдох-

новляться у насъ «правые». Браннымъ возгласомъ въ стилѣ Пуришкевича или патріотическимъ громомъ по мотивамъ «Русскаго Знамени». Что они признаютъ дѣловитымъ? Бездушный слогъ канцелярскихъ донесеній. Всякій благородный пылъ и возвышенное слово, будящее образъ высшаго идеала, тотчасъ звучитъ имъ фразою. Для насъ же, преданныхъ дѣлу образованія юношества, горячія слова были не «диссертациею» и не «дѣтскою рѣзвостью мысли», а ужасною правдою, высказанною человѣкомъ, пережившимъ все, что онъ говорилъ и какъ студентъ, и какъ земскій дѣятель, и какъ гражданинъ, правдою, которую выстрадали мы, за которую мы привѣтствуемъ честнаго представителя русскаго народа.

Бюрократизація университета, подчиненіе молодежи полицейскому оку, средостѣніе и среди профессоровъ, и среди студентовъ и отсутствіе между ними всякой коллегіальности, отравленіе быта впрыскиваніемъ въ его душу шпіонства,—мы все это перенесли на своихъ плечахъ и сердцахъ. Какъ же можемъ мы скрывать это, когда вновь воздвигается призракъ того, что казалось отошедшимъ въ вѣчность.

Насильственное изготавленіе изъ студентовъ вѣрноподданныхъ—къ этому сводилась въ мысли правившихъ въ 80-ые и 90-ые годы функція университетовъ. — «Я отвѣтственъ за то, чтобы въ университетѣ профессора не могли воспитывать революціонеровъ или конституціоналистовъ!.. Вы можете, преподавая и среднюю, и древнюю исторію, капля по каплѣ заражать умы вашихъ слушателей неблагонадежностью... Ваша обязанность—не только излагать науку, но и развивать въ студентахъ здравыя понятія на почвѣ существующаго строя...»—Такія поученія мнѣ лично пришлось выслушать отъ мин. нар. просв., павшаго трагической жертвою своей честной слѣпоты въ служеніи погибшей и губящей системы. Въ нихъ съ страшною искренностью раскрывается ея сущность. Профессоръ или долженъ быть пассивнымъ чиновникомъ самодержавной бюрократіи,—или онъ становится подъ «индексомъ», какъ политическій преступникъ.

Борьба съ неблагонадежностью поглощала силы правительственной политики стараго строя въ университетахъ, какъ и въ странѣ. При этомъ вѣдомство просвѣщенія становилось въ служебныя отношенія къ министерству внутр. дѣлъ или еще тѣснѣе, шло на буксирѣ департамента полиціи; въ этомъ признавался мнѣ одинъ попечитель учебнаго округа на каунѣ такъ наз. «освободительнаго движенія». Средствами не гнушались: устрашеніе профессоровъ мелочнымъ контролемъ и карательными воздѣйствіями вплоть до увольненія; насилія надъ студентами въ формѣ повседневной травли, исключеній, тюрьмы, высылки, даже избіенія на улицахъ,—все это практиковалось. Создано было нагазаніе и изъ того, что вездѣ признается гражданскою повинностью: попечители, ректора,

профессора рядомъ съ прокуроромъ и жандармами отдавали въ солдаты провинившихся безпорядками студентовъ.

Результаты получились огромные. Подорвана была самая природа университетовъ. Профессора обезличены, наука принижена, преподаваніе—депремировано. Молодежь дичала, установилось полное недовѣріе между профессорами и юношествомъ. Образъ «alma mater» ни въ комъ уже не вызывалъ не только умиленія, но и простой симпатіи. Презрѣніе къ университету деморализовало студенчество. Фигура студента исчезла въ ея лучшихъ чертахъ—радостной вѣрѣ въ прогрессъ, вдохновенныхъ надеждахъ на науку, антимистическомъ довѣріи къ жизни, печати открытаго, веселаго благородства даже въ ошибкахъ. Учащіеся перестали учиться, считать себя студентами, признавать своеобразие личности университета. Вся масса ихъ разбилась на три видныхъ категоріи: кутилъ («бѣлоподкладочниковъ»), карьеристовъ—чиновниковъ en herbe и... революціонеровъ. Лучшие легко увлекались непосильной для несложившагося юношества задачею участія въ переустройствѣ общества; они отдавали на нее не окрѣпшія силы и въ большинствѣ случаевъ ломали жизнь, лишая общество драгоценныхъ работниковъ.

Политика правительства породила политику студенчества. Практика насилія сверху посѣяла и внизу вѣру въ единоспасающую силу насилія для излеченія общественныхъ недуговъ. Вотъ, откуда шло революціонизированіе молодежи. Это и расшатывало университетъ. Храмъ и школа науки не можетъ жить подъ чуждымъ насиліемъ, откуда бы оно ни шло, отъ реакціи и отъ революціи... Реакціонное упорство государства помѣшало русскому обществу найти для своего роста благой и счастливый путь мирнаго прогресса, дружно поддержаннаго движеніемъ въ различныхъ сферахъ народной жизни. Оно фатально вело къ жестокому противопоставленію «стараго порядка» и «революціи». Кровавый опытъ Западной Европы оставался безплоднымъ. Та же мрачная струя разрушала и старую школу. Новый великій кризисъ государства, сопровождавшій войну съ Японіей, и поднявшаяся волна небывалаго общественнаго движенія только обнаружили это крушеніе на ряду съ другими ранами, разѣдавшими великій организмъ.—Каковъ же выходъ? *Ив. Гревсъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

О государственныхъ преступленіяхъ по дѣйствующему русскому праву (законъ и судебная практика).

(Продолженіе ¹).

IV.

Въ отличіе отъ составителей улож. о нак., руководившихся въ опредѣленіи рода наказаній только представленіемъ объ объективной тяжес-

¹) См. „Право“ № 20.

сти преступлений, къ которому лишь случайно присоединились иныя соображенія, редакторы уголовного уложенія имѣли передъ собою опредѣленный принципъ, требующій индивидуализаціи наказанія въ зависимости отъ свойства мотивовъ преступленія. Подраздѣливъ, во вниманіе къ этому принципу, наказанія на позорящія и непозорящія, они назначили ссылку на поселеніе (наказаніе непозорящее) за нѣкоторыя изъ тѣхъ государственныхъ преступленій, которыя, по уложенію о наказаніяхъ карались каторгою и даже смертною казнью (ср. ст. 102 ч. 4 п. I, ст. 105 ч. 2 и 4, 106 п. I, 128, 129 п. I и 2 угол. улож. со ст. 249, ст. 244, ст. 248 ч. I, ст. 252 ч. 1 и 2, ст. 251 ч. 1 и 2 улож. о наказ.).

Но подобно тому, какъ высказавши отрицательный взглядъ на смертную казнь, редакціонная комиссія при составленіи проекта измѣнила этому взгляду, такъ не былъ проведенъ ею вполне послѣдовательно и принципъ индивидуализаціи наказаній по свойству преступленій. Несмотря на то, что, по идеѣ комиссіи, «заточеніе», т. е. заключеніе въ крѣпости или такъ наз. *custodia honesta* «является наказаніемъ какъ бы параллельнымъ съ (позорящими наказаніями) исправительнымъ домомъ, тюрьмою и даже отчасти съ каторгою»¹⁾, и «должно быть назначаемо за такія дѣянія, которыя хотя и... причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго», тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности она назначаетъ наказаніе каторгою, а не заключеніемъ въ крѣпости за государственныхъ преступленія, не только не обнаруживающія испорченности или безнравственности ихъ виновника, но и при томъ не имѣющія въ числѣ своихъ признаковъ причиненія вреднаго результата, напр., за приготовленіе къ насильственному посягательству на измѣненіе установленнаго основными законами образа правленія (ст. 101), за одно участіе въ сообществѣ, составленномъ для учиненія такого посягательства (ст. 102).

Гораздо болѣе принципиальна система наказаній за государственныхъ преступленія въ германскомъ имперскомъ уложеніи, также придерживающемся взгляда на заточеніе въ крѣпости, какъ на почетное заключеніе. Въ немъ каторга (*Zuchthaus*) за государственныхъ преступленія предусматривается только въ качествѣ альтернативной мѣры наказанія, наряду съ заключе-

ніемъ въ крѣпость; въ тѣхъ же случаяхъ, когда законъ предоставляетъ суду выборъ между заключеніемъ въ крѣпость или каторгою, послѣдняя назначается только при условіи, если будетъ признано, что рассматриваемое преступное дѣяніе совершено по какимъ либо безчестнымъ побужденіямъ» (§ 20)¹⁾.

Отступленіемъ отъ принципа индивидуализаціи наказаній въ нашемъ уголовномъ уложеніи является и то, что ограниченіе правъ имъ ставится въ связь не съ соціальною характеристикой преступника, а съ родомъ главнаго наказанія²⁾. Это замѣчаніе, относящееся не только къ отдѣлу о государственныхъ преступленіяхъ, по отношенію къ нему является особенно умѣстнымъ. Ограниченіе правъ есть выраженіе общественнаго недовѣрія; политическія преступленія—плодъ идейнаго увлеченія, иногда, можетъ быть, легкомысленнаго, но всегда чистаго и безкорыстнаго, а «гдѣ основанія лишать этого довѣрія лицо, ставшее жертвой заблужденія, увлеченія, предразсудковъ? не внесетъ ли подобное положеніе разладъ между закономъ и дѣйствительною жизнью? не будетъ ли законъ о лишеніи общественнаго довѣрія противорѣчить тому взгляду, который установился въ обществѣ на правонарушенія, мотивомъ коихъ служили не корыстныя или иныя нечистыя побужденія, а увлеченія, общественныя предразсудки, извѣстныя заблужденія ума?» (Тальберъ)³⁾.

Поэтому, если за нѣкоторые преступленія ихъ виновники могли быть подвергнуты только почетному заключенію, составители уголовного уложенія, въ виду ихъ тяжести, сочли необходимымъ назначить наказанія каторгою, то они во всякомъ случаѣ не должны были ставить этого наказанія въ непремѣнную и постоянную связь съ лишеніемъ правъ.

V.

Авторы уложенія о наказаніяхъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ, касающихся важнѣйшихъ видовъ государственныхъ преступленій (ст.ст. 241,

¹⁾ Объясненія, изд. 1895 г., т. I, стр. 170. Таганцевъ въ своемъ изданіи уголовного уложенія съ мотивами (Спб. 1904 г.) цитируетъ приведенную нами выдержку изъ «объясненій» съ пропускомъ словъ: «и даже отчасти съ каторгою» (стр. 35), откуда слѣдуетъ заключить, что и онъ считаетъ параллелизмъ между заточеніемъ и каторгою не проведеннымъ даже отчасти.

¹⁾ Страсбургскій профессоръ Калькеръ въ извѣстномъ коллективномъ трудѣ „*Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts*“ (Berlin 1906, I B, стр. 53) рекомендуетъ *de lege ferenda* предусмотрѣть въ законѣ въ качествѣ нормальнаго наказанія за посягательства на жизнь, тѣлесную неприкосновенность и личную свободу государя, а также на цѣлость государственной территоріи, позорящее лишеніе свободы, а за посягательства на конституцію и за попытку воспрепятствовать государю въ осуществленіи его верховныхъ правъ почетное заключеніе, и лишь въ общей части оговорить, что позорящее наказаніе можетъ быть назначено вмѣсто непозорящаго, если по особымъ обстоятельствамъ дѣла будетъ установлено отсутствіе безчестныхъ побужденій и что, наоборотъ, наказаніе непозорящее можетъ быть замѣнено позорящимъ, если по особымъ обстоятельствамъ дѣла будетъ установленъ постыдный характеръ мотивовъ преступленія.

²⁾ С. П. Мокринскій, Наказаніе. его цѣли и предположенія, ч. I, стр. 151.

³⁾ См. объясненіе къ проекту редакц. комиссіи, 1895 г., т. I, стр. 172, примѣч.

243, 244, 249, 254), приравняли по наказуемости обнаружение умысла («словесное или письменное заявление своих мыслей или предположений» — ст. 242) к окончанию преступного деяния, карая то и другое смертной казнью. По выражению римских юристов эпохи империи, они *eadem severitate voluntatem sceleris qua effectum puniri voluerunt* ¹⁾.

Уголовное уложение, отказавшись от преследования голаго умысла на совершение государственных преступлений, стремится, однако, противодѣйствовать имъ примѣненіемъ кары уже въ такихъ стадіяхъ ихъ совершенія, которыя непосредственно соприкасаются съ простымъ обнаруженіемъ умысла, почти совпадая съ нимъ. Все еще не начавшее «цвѣсти» «у гробового входа» уложения о наказаніяхъ, уголовное уложение уже обнаруживаетъ всѣ черты преклоннаго возраста, а извѣстно, что «старость ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ»... Страшась всякаго рода революціонныхъ и даже просто противоправительственныхъ выступленій, авторы уголовного уложения включили въ него нѣсколько статей, которыя должны уловить «внутренняго врага» въ тотъ моментъ, когда его дѣятельность находится еще на самой границѣ между обнаруженіемъ умысла и приготовленіемъ средствъ къ совершенію государственнаго преступления. Съ этой стороны заслуживаетъ прежде всего упрека 4 ч. 102 ст., которая жестоко караетъ неудавшійся «подговоръ» составить сообщество для учиненія мятежа или принять участіе въ такомъ мятежѣ. Что представляетъ собою такой не имѣвшій успѣха подговоръ?

«Неудавшееся подстрекательство, говоритъ проф. Таганцевъ, является простымъ обнаруженіемъ умысла и, слѣдовательно, можетъ быть наказуемо только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наказуема одна голая злая воля». Въ качествѣ примѣра наказуемости «голой злой воли» проф. Таганцевъ приводитъ именно 4 ч. 102 ст. ²⁾. Мы готовы не согласиться съ проф. Таганцевымъ и вмѣстѣ съ проф. Гарро признать, что подговоръ, хотя бы неудавшійся, уже не есть простое обнаруженіе умысла, какимъ было бы одно заявленіе о существованіи преступнаго намѣренія (*la résolution inactive*), а уже приступъ къ его

осуществленію, состоящій въ пріисканіи помощниковъ ¹⁾, но, если бы для этого момента развитія преступной воли мы хотѣли бы найти наименованіе въ терминахъ уголовного уложения, то мы не нашли бы его, такъ какъ составители уголовного уложения стадіей, непосредственно слѣдующей за простымъ обнаруженіемъ умысла, считали приготовленіе, которое, однако, есть не пріисканіе, а уже «пріобрѣтеніе или приспособленіе средства для приведенія въ исполненіе умышленнаго преступнаго дѣянія» (ст. 50).

Если бы редакціонная комиссія рѣшительно отказалась отъ обложенія наказаніемъ поступковъ, не представляющихъ реальной опасности для интересовъ, которымъ они сочли нужнымъ предоставить охрану уголовного закона, они должны были бы исключить неудавшійся подговоръ составить бунтовщическое сообщество изъ списка наказуемыхъ дѣяній, тѣмъ болѣе, что имъ хорошо были извѣстны тѣ возраженія, которыя дѣлаются французскими теоретиками противъ art 89 Code pénal, откуда и заимствованъ 4 ч. 102 статьи. Они приводятъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчанія Эли и Росси: «предложеніе составить заговоръ не представляетъ вовсе серьезной опасности для государства; громадное разстояніе раздѣляетъ такое предположеніе отъ приготовительныхъ дѣйствій, къ которымъ законъ относитъ и заговоръ, и только съ совершеніемъ этихъ приготовленій для государства возникаетъ дѣйствительный интересъ вмѣшательства (Hélie)»; «можно ли признать преступленіемъ одни лишь слова, при томъ въ передачѣ тѣхъ, кому они были сказаны, слова, которыя такъ легко могутъ быть плохо поняты, истолкованы въ дурномъ смыслѣ, извращающемъ намѣреніе произнесшаго; какъ убѣдиться въ томъ, что предложеніе было серьезно, что оно дѣйствительно было выраженіемъ преступной рѣшимости, а не одного предосудительнаго желанія, что оно было проявленіемъ обдуманнаго намѣренія, а не мимолетною вспышкой гнѣва?» ²⁾ Никакихъ возраженій противъ этихъ замѣчаній, которыя, напротивъ, ред. комиссія признала «весьма сильными», въ объяснительной запискѣ не содержится, а между тѣмъ ея назначеніе служить изложеніемъ мотивовъ предначертаній комиссії. Гдѣ же эти мотивы? Надо думать, что и здѣсь, какъ въ вопросѣ о смертной казни, сыграла роль «политическая сторона» дѣла.

Противъ чрезмѣрнаго расширенія въ области государственныхъ преступленій круга наказуемыхъ случаевъ включеніемъ въ него такихъ дѣйствій, которыя приближаются къ простому обнаруженію умысла, изъ среды самой редакціонной комиссії возражалъ проф. Фойницкій

¹⁾ Впрочемъ, въ виду неясности 242 ст., заключающей въ себѣ опредѣленіе понятія „злоумышленіе“ на государственныя преступленія, проф. Фойницкій (суд. вѣстникъ, №№ 21 и 22, 1876 г.) полагалъ, что подъ словомъ „умыселъ“ въ отдѣлѣ о государственныхъ преступленіяхъ правильнѣе понимать „приготовительныя къ преступленію дѣйствія, а не одно изъявленіе намѣренія, какъ это выражено въ общей части уложения“. См. „Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства“, т. IV; „Замѣчанія отечественной литературы“, Спб., 1891 г., стр. 220. Не можемъ не выразить сожалѣнія, что эти драгоцѣнные материалы, въ свое время не поступили въ продажу, благодаря чему они составляютъ немногимъ доступную библиографическую рѣдкость.

²⁾ Таганцевъ, лекціи, Спб., 1902 г. стр. 778, 780.

¹⁾ Garaud, Traité du droit pénal français, III, 2 éd. Paris, 1899, p. 307.

²⁾ Объясненія, т. II, стр. 40, 41.

по поводу ст.ст. 104 и 132 (ст.ст. 76 и 91 проекта). Обѣ эти статьи, изъ коихъ первая имѣетъ въ виду предусмотрѣть подготовку къ оглашенію преступныхъ сочиненій или изображеній, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе или угрозу царствующему императору, императрицѣ или наслѣднику престола, а вторая — подготовку къ оглашенію «возмутительныхъ» (т. е. поселяющихъ «смуту» въ смыслѣ 5-й главы угол. уложенія) сочиненій, по замѣчанію И. Я. Фойницкаго, въ сущности «оставляютъ предѣлы приготовления и переходятъ въ область голаго умысла». Уничтоженіе названными статьями «границы между мыслью, не подлежащей уголовной отвѣтственности и внѣшнимъ дѣйствіемъ, на которое она можетъ распространяться», проф. Фойницкій видитъ въ томъ, что статьи эти обладаютъ наказаніемъ, не только размноженіе, провозъ изъ-за границы и храненіе въ мѣстахъ, предназначенныхъ для сбыта или оглашенія преступныхъ сочиненій или изображеній, но и храненіе въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и даже составленіе такихъ сочиненій или изображеній съ цѣлью распространенія. Одна эта цѣль, по мнѣнію проф. Фойницкаго, не можетъ оправдать наказуемости всякаго храненія и составленія преступныхъ сочиненій, такъ какъ и она относится лишь къ субъективной сторонѣ дѣйствія. Проф. Фойницкій находилъ нужнымъ выставить требованіе объективнаго условія и карать автора лишь послѣ, того, какъ имъ сдѣлана попытка оглашенія преступной мысли, а наказуемое храненіе ограничить мѣстами, служащими для сбыта или оглашеній произведеній мысли неопредѣленному, болѣе или менѣе многочисленному количеству людей, каковы книжныя лавки, кабинеты для чтенія, магазины произведений искусства, картинныя галереи и т. п. ¹⁾. «Нельзя думать, писалъ онъ въ своемъ особомъ мнѣніи, чтобы комиссія подъ формою запрета храненія сочиненій, желала возстановить средне-вѣковой запретъ чтенія такихъ сочиненій; между тѣмъ редакція 76 (104) ст. даетъ возможность наказывать и имѣніе сочиненій или изображенія въ частной библіотекѣ, хозяинъ которой не учинилъ еще никакого внѣшняго дѣйствія, направленнаго къ распространенію ихъ. Поэтому проф. Фойницкій предлагалъ редактировать 76 (104) ст. угол. улож. слѣдующимъ образомъ: «виновный въ размноженіи, провозѣ изъ-за границы, въ храненіи или передачѣ на храненіе въ мѣстахъ, предназначенныхъ или служащихъ для

сбыта или оглашенія неопредѣленному числу людей, сочиненія или изображенія, завѣдомо для виновнаго заключающихъ въ себѣ оскорбленіе или угрозу особѣ царствующаго императора или наслѣдника престола, съ цѣлью распространенія или содѣйствія распространенію оныхъ называются...» ¹⁾.

Соотвѣтственнымъ образомъ И. Я. Фойницкій рекомендовалъ редактировать и ст. 91 (132) угол. улож. ²⁾.

Нечего и говорить, что редакція 104 и 132 ст.ст., предложенная проф. Фойницкимъ, гораздо совершеннѣе той, которую они теперь имѣютъ. Но и при этой редакціи статьи 104 и 132 все-же вызываютъ возраженія. Какъ указываетъ И. Я. Фойницкій ³⁾, дѣйствія, предусмотрѣнныя въ этихъ статьяхъ въ иностранныхъ законодательствахъ, или вовсе не наказуемы или наказуемы лишь какъ нарушенія законовъ о книжной торговлѣ и книгопечатаніи. При томъ общемъ правилѣ, что изъ числа приготовительныхъ дѣйствій наказуемы лишь тѣ, которыя состоятъ въ пріобрѣтеніи или въ приспособленіи средствъ къ совершенію тягчайшихъ преступленій, — было бы правильнѣе признать дѣйствія, предусмотрѣнныя 104 и 132 ст.ст. и по существу своему являющіяся также приготовительными, ненаказуемыми. Если ненаказуемо приготовленіе къ причиненію тяжкаго тѣлеснаго поврежденія отцу или иному восходящему родственнику, т. е. къ преступленію, которое карается каторгою до 10 лѣтъ (ст. 471), то гдѣ основаніе наказывать приготовленіе къ распространенію сочиненій, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, т. е. приготовленіе къ преступленію, которое карается по ст. 129 только ссылкой на поселеніе?

VI.

Остановливаясь на ст. 242 и 243 дѣйствующаго улож. о наказ., которыя устанавливаютъ одинаковую наказуемость для всѣхъ моментовъ преступной дѣятельности, направленной противъ жизни, здравія, чести или верховной власти государя императора, составители уголовного уложенія нашли, что статьи эти «нарушаютъ основное начало соразмѣрности, начало уступенія наказанія, смотря по тяжести вины и по опасности дѣянія» ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, не считаясь сами съ указаннымъ началомъ, они ввели въ ст. 99 и 100 оговорку, согласно которой «посыгательствомъ», предусмотрѣннымъ этими статьями и караемымъ смертною казнью, признается, какъ совершеніе преступленія, такъ и покушеніе на него, а въ ст. 101 опредѣлили наказаніе смертною казнью: за одно пригото-

¹⁾ Укажемъ, что уже въ „Замѣчаніяхъ чиновъ судебного вѣдомства на уложеніе о наказаніяхъ“ встрѣчается указаніе прокурора тифлисской судебной палаты на желательность отнесенія къ отдѣлу о нарушеніи правилъ печати тѣхъ постановленій, коими устанавливается отвѣтственность за одно имѣніе сочиненій, предусмотрѣнныхъ 251 и 252 ст.ст., если только такое имѣніе сочиненій, не является признакомъ участія въ бунтѣ. См. „Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства“, 1881 г., т. III, стр. 219.

¹⁾ Объясненія къ пр. ред. комиссіи, 1895, т. II, стр. 121, 122.

²⁾ Ibidem, стр. 216.

³⁾ Объясненія, II, стр. 121.

⁴⁾ Уголовное уложеніе. Объясненіе къ проекту ред. комиссіи, Спб. 1895, т. II, стр. 19.

леніе къ посягательству «на неприкосновенность священной особы царствующаго Императора, императрицы или наслѣдника престола, или на низверженіе царствующаго императора съ престола, или на лишеніе его власти верховной или на ограниченіе правъ оной».

Въ «объясненіяхъ» къ ст. 61 проекта (ст. 101 уг. улож.) говорится коротко: «за сіе приготовленіе комиссія полагала бы назначить смертную казнь». Между тѣмъ изъ числа членовъ редакціонной комиссіи проф. Фойницкій въ цит. выше статьѣ въ «Суд. Вѣстникѣ» выражалъ сожалѣніе, что законодатель, придавая въ вопросѣ о наказуемости одинаковое значеніе приготовленію и совершенію преступленія, отступаетъ отъ того начала политики права, согласно которому у «дѣятеля» не должны быть отнимаемы «импульсы воздержаться отъ дальнѣйшаго осуществленія своей мысли»¹⁾, а проф. Таганцевъ по тому же поводу (т. е. по поводу уравниванія въ отношеніи къ наказуемости приготовленія и оконченнаго совершенія) въ своемъ «Курсѣ» замѣчаетъ, «что такая суровость закона не находитъ себѣ оправданія». «Для отвѣтственности за приготовленіе къ государственнымъ преступленіямъ, писалъ онъ, необходимо прежде всего полное опредѣленіе тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ считаться приготовительными, и самая отвѣтственность за подобныя дѣйствія не можетъ быть тяжкою, такъ какъ опасность представляется болѣе отдаленною, гадательною, и суду долженъ быть представленъ значительный просторъ въ выборѣ наказаній»²⁾.

Показавъ какъ нерѣшительна была редакціонная комиссія даже въ проведеніи тѣхъ началъ, которыя ея членами сознавались, какъ разумныя требованія криминальной политики, перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей третьей и пятой главъ уголовного уложенія.

Н. Полянский.

Новый германскій законъ о союзахъ и собраніяхъ.

I.

15-го мая (нов. ст.) текущаго года въ Германіи вступилъ въ силу имперскій законъ о союзахъ и собраніяхъ, которымъ должны быть объединены разрозненные постановленія распяленныхъ нѣмецкихъ союзныхъ государствъ въ области одного изъ самыхъ важныхъ политическихъ правъ нѣмецкихъ гражданъ.

До настоящаго времени всѣ 25 государствъ Гер-

¹⁾ „Удержатъ за дѣятелемъ возможность не доводить свой планъ до конца—такой лозунгъ, къ которому должно стремиться наше уголовное законодательство въ дальнѣйшемъ его развитіи“. Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства, т. IV, стр. 221.

²⁾ Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства, т. IV, стр. 222.

маніи и имперская область Эльзасъ-Лотарингія имѣли каждое—свой законъ о союзахъ и собраніяхъ, за исключеніемъ Вальдекъ-Пирмонта, гдѣ по этому вопросу вообще не было никакихъ законодательныхъ постановленій. Отъ ультра-реакціоннаго закона въ обоихъ Мекленбургахъ до очень либеральныхъ постановленій въ Гессенѣ и Вюртембергѣ шла цѣлая гамма законодательнаго творчества, въ которой отражался индивидуальный характеръ властвованія cadaquo — подчасъ микроскопическаго-германскаго союзнаго государства. Нужно удивляться, что въ теченіе сорока лѣтъ существованія германскаго союза такой важный вопросъ, какъ право союзовъ и собраній, не получилъ общей для всей имперіи регламентаціи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что большинство дѣйствовавшихъ законовъ возникло въ 1848 году и ближайшее къ нему время, частью отразивъ на себѣ «весну народовъ», но еще сильнѣе отпечатлѣвъ эпоху все-европейской реакціи.

Для справедливости, впрочемъ, надо замѣтить, что уже вскорѣ послѣ объединенія германской имперіи въ рейхстагъ стали поступать петиціи и предложенія объ изданіи единого закона о союзахъ и собраніяхъ, причемъ въ каждую новую парламентскую сессію неустанно вносились новыя и новыя петиціи и предложенія.

Болѣе того: рейхстагъ создавалъ комиссіи для обсужденія этихъ предложеній, комиссіи эти работали, составляли законопроекты и вносили ихъ въ рейхстагъ. Въ сессію 1895—1896 года дѣло дошло даже до того, что законъ подвергся обсужденію въ рейхстагѣ, былъ принятъ въ двухъ чтеніяхъ и потерпѣлъ крушеніе лишь въ третьемъ чтеніи, уступивъ мѣсто единственной статьѣ о правѣ всѣхъ германскихъ обществъ соединяться между собой, которая была опубликована какъ имперскій законъ отъ 11-го декабря 1899 года.

Въ послѣднюю парламентскую сессію, наконецъ, отъ различныхъ партій поступило 6 предложеній объ изданіи имперскаго закона о союзахъ и собраніяхъ, и 16-го апрѣля 1907 года рейхстагомъ была принята соотвѣтствующая резолюція.

Это окончательно побудило германское правительство поспѣшить съ внесеніемъ въ рейхстагъ законопроекта, который, встрѣтивъ бурю протестовъ въ заинтересованныхъ кругахъ и подвергшись значительной переработкѣ въ парламентской комиссіи, былъ окончательно принятъ рейхстагомъ въ засѣданіи 8-го апрѣля и обнародованъ 19-го апрѣля т. г.

II.

Закономъ 19-го апрѣля затрагивается исключительно сфера публично-правовая; союзы и организаціи въ ихъ частно-правовыхъ отношеніяхъ попрежнему подлежатъ постановленіямъ гражданскаго уложенія (§§ 21—79). Измѣненію подвергся лишь § 72 BGB., согласно которому зарегистрированныя общества обязаны по требованію суда представить ему удостовѣреніе о числѣ членовъ общества, вмѣсто-полнаго ихъ списка, какъ это предписывалось раньше. Измѣненіе это внесено потому, что иначе зарегистрированныя общества оказались бы въ ме-

нѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ незарегистрированныя.

Однако, и въ области публично-правовой новый законъ ограничиваетъ свои задачи довольно тѣсными рамками. Такъ, онъ умышленно исключаетъ вопросъ о церковныхъ и религіозныхъ обществахъ и собраніяхъ, о церковныхъ процессіяхъ, паломничествахъ и крестныхъ ходахъ, о духовныхъ орденахъ и конгрегаціяхъ (§ 24). Затѣмъ въ законѣ проведено тщательное различіе между правомъ союзовъ и собраній—съ одной стороны, и правомъ коалицій—съ другой. Хотя при обсужденіи законопроекта въ комиссіи раздавались рѣшительныя требованія включить въ законъ и постановленія о коалиціонномъ правѣ промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но предложеніе это не получило большинства ни въ комиссіи, ни въ рейхстагѣ. Такимъ образомъ, совершенно незатронутыми новымъ закономъ оказались постановленія §§ 152, 153 и 154^a Gewerbeordnung и ограниченія права коалицій сельскохозяйственныхъ рабочихъ и прислуги, заключенныя въ законодательствахъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ.

Какъ видно изъ объясненій, данныхъ представителемъ правительства въ парламентской комиссіи, это выдѣленіе нѣкоторыхъ вопросовъ было сдѣлано вполне сознательно. Причину этого можно усмотрѣть въ большой остротѣ и сложности опущенныхъ темъ, которыя должны были—по мнѣнію правительства—вызвать слишкомъ горячія пренія и могли привести весь законъ къ крушенію.

III.

Какъ мы уже замѣтили, законъ 19 апрѣля интересуется лишь публично-правовой стороной союзовъ и собраній. Остановимся сперва на союзахъ.

Право образованія союзовъ признано въ § 1 закона за всѣми германскими подданными, причемъ это общее право ограничено лишь уголовными нормами. Исключеніе сдѣлано лишь для политическихъ фереиновъ, т. е.—какъ опредѣляетъ законъ—«обществъ, имѣющихъ цѣлью воздѣйствіе на политическіе вопросы» (§ 3). Эти фереины обязаны имѣть уставъ и правленіе; списокъ членовъ послѣдняго и уставъ должны быть представлены полиціи въ теченіе двухнедѣльнаго срока, причемъ уставъ долженъ быть написанъ на нѣмецкомъ языкѣ; въ тотъ же срокъ должно быть сообщено полиціи также обо всѣхъ измѣненіяхъ въ уставѣ и въ составѣ правленія.

Иныхъ ограниченій въ законѣ не содержится, и т. о. всякія иныя общества и союзы, поскольку они не желаютъ приобрѣсти правъ юридическаго лица путемъ регистраціи, свободны отъ какихъ бы то ни было ограниченій, кромѣ установленныхъ въ общемъ уголовномъ законѣ.

Кромѣ этого законъ вводитъ особую льготу для общественныхъ группировокъ, образующихся для подготовки и проведенія выборовъ во всякія публично-правовыя организаціи (öffentliche Körperschaften). На время выборовъ, считая со дня офіціального ихъ назначенія, эти группировки не разсматриваются какъ политическіе фереины и, слѣдовательно, свободны отъ дѣйствующихъ по отношенію къ нимъ предписаній (§ 4).

Закрытіе общества (§ 2) допускается закономъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно, когда цѣли его нарушаютъ нормы уголовного закона, причемъ на соответствующія постановленія властей допускается жалоба въ порядкѣ состязательнаго административнаго разбирательства (Verwaltungsstreitverfahren), а въ областяхъ, гдѣ административныхъ судовъ не существуетъ—въ порядкѣ чисто-административномъ.

IV.

Болѣе широка по новому закону область вмѣшательства правительственныхъ властей въ право собраній, въ общей формѣ провозглашаемое тѣмъ же первымъ параграфомъ.

Законъ дѣлитъ собранія на три рода:

- 1) такія, которыя свободны отъ какого бы то ни было разрѣшенія или заявленія;
- 2) собранія, о созывѣ которыхъ полиціи должно быть сдѣлано заявленіе и
- 3) собранія, обусловленныя предварительнымъ разрѣшеніемъ полиціи.

Къ совершенно свободнымъ принадлежатъ собранія фереиновъ, какъ политическихъ, такъ и неполитическихъ, поскольку они не устраиваются публично; далѣе вообще всѣ непубличныя собранія, хотя бы созываемыя и не фереинами; изъ публичныхъ собраній лишь тѣ, которыя не обсуждаютъ политическихъ вопросовъ, если притомъ они происходятъ въ закрытомъ помѣщеніи и ведутся на нѣмецкомъ языкѣ; далѣе собранія избирателей (Wahlberechtigte) для проведенія выборовъ въ публично-правовыя организаціи (§ 6) и, наконецъ, собранія созываемыя на основаніи закона или по предписанію правительственныхъ властей (§ 20), каковы, напр., засѣданія городской думы, третейскихъ судовъ и т. д.

Особнякомъ стоитъ постановленіе, заключающееся въ § 6 закона, освобождающее отъ обязанности подачи заявленій также собранія промышленныхъ рабочихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ подмастерьевъ, рабочихъ и владѣльцевъ рудниковъ, соляныхъ промысловъ, каменоломенъ и шахтъ, если собранія эти созываются для „соглашеній и соединеній въ цѣляхъ добиться благопріятныхъ условій труда и заработной платы, въ особенности путемъ остановки работъ или расчета рабочихъ“.

Вторая группа собраній—требующая подачи заявленія—обнимаетъ всѣ публичныя политическія собранія. Заявленіе должно быть подано мѣстной полиціи за 24 часа до начала собранія (§ 5), но можетъ быть также замѣнено объявленіемъ (Bekanntmachung) о предстоящемъ собраніи въ газетахъ или путемъ плакатовъ (§ 6). Требованія, предъявляемыя къ такимъ объявленіямъ, устанавливаются высшими правительственными учрежденіями каждаго союзаго государства.

Наконецъ, предварительное разрѣшеніе на устройство собранія требуется тогда, когда это собраніе—будучи публичнымъ—должно происходить подъ открытымъ небомъ, или когда предполагается шествіе по улицамъ и площадямъ общаго пользованія (§ 7). Просьба о такомъ разрѣшеніи должна быть подана

въ мѣстное полицейское учрежденіе не менѣе, чѣмъ за 24 часа до начала собранія или шествія, причемъ отказъ въ разрѣшеніи допускается лишь въ томъ случаѣ, если собраніе или шествіе можетъ угрожать общественной безопасности; объ основаніяхъ отказа устроителямъ должно быть немедленно выдано бесплатное удостовѣреніе.

Въ отношеніи какъ собраній подъ открытымъ небомъ, такъ и уличныхъ процессій высшему правительственному органу каждаго союзнаго государства Германіи предоставлено замѣнять разрѣшительную систему системой явочной или даже удовлетворяться объявленіемъ въ газетахъ или посредствомъ плакатовъ (§ 9).

Для похоронныхъ процессій, происходящихъ въ обычномъ порядкѣ, и для свадебныхъ шествій, гдѣ таковыя практикуются, законъ устрояетъ вообще необходимость какихъ бы то ни было разрѣшеній или заявленій.

Въ совершенно особое положеніе закономъ поставлены собранія, на которыхъ должна раздаваться не исключительно нѣмецкая рѣчь. Для этого созданъ нашумѣвшій седьмой параграфъ, параграфъ о языкѣ (Sprachenparagraph); по теперешней нумераціи—это § 12.

Этотъ параграфъ устанавливаетъ общее правило, что рѣчи на публичныхъ собраніяхъ должны быть произносимы на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ исключеніе дѣлается лишь для международныхъ конгрессовъ и для избирательныхъ собраній въ рейхстагъ и въ мѣстные ландтаги.

Но кромѣ того временно, на 20 лѣтъ, устанавливается еще такая льгота: въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ «коренное (alteingesessene) туземное населеніе»—согласно послѣдней переписи—заключаетъ иноговорящіе элементы въ количествѣ шести десяти процентовъ всего наличнаго населенія, тамъ разрѣшается устраивать собранія съ употребленіемъ наряду съ нѣмецкимъ и иностранныхъ языковъ, если о такомъ собраніи будетъ сдѣлано заявленіе полиціи за трое сутокъ до его начала съ указаніемъ языка, на которомъ будутъ произноситься рѣчи.

Дальнѣйшія исключенія предоставлено дѣлать законодательнымъ, а поскольку они эти правомъ не воспользуются—то высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ.

V.

Кромѣ приведенныхъ ограниченій свободы собраній и союзовъ законъ заключаетъ еще рядъ обычныхъ постановленій:

о запрещеніи вооруженнымъ присутствовать въ публичныхъ собраніяхъ или принимать участіе въ уличныхъ шествіяхъ (§ 11);

объ обязанности каждаго публичнаго политическаго собранія имѣть руководителя (Leiter), отвѣстнаго за порядокъ въ собраніи и за соблюденіе закона (§ 10);

о правѣ полиціи посылать своихъ уполномоченныхъ на всѣ публичныя собранія, гдѣ имъ должно быть отведено подходящее (angemessen) мѣсто (§ 13) и т. п.

Заключавшееся въ большинствѣ прежнихъ законовъ запрещеніе женщинамъ участвовать въ политическихъ собраніяхъ новымъ закономъ окончательно и во всемъ объемѣ отмѣнено, и женщины, наконецъ, восстановлены въ Германіи въ части своихъ публичныхъ правъ.

Новый законъ вводитъ, въ параграфѣ 17-мъ возрастное ограниченіе: онъ устанавливаетъ предѣльный 18-ти лѣтній возрастъ, до достиженія котораго молодежи обою пола запрещено какъ состоять членами политическихъ фереиновъ, такъ и посѣщать ихъ собранія (кромѣ посвященныхъ развлеченію—gesellige Zwecke), такъ—наконецъ—и присутствовать на публичныхъ политическихъ собраніяхъ вообще.

Мѣра эта, нужно замѣтить, была совершенно опущена въ правительственномъ законопроектѣ и лишь потомъ, при комиссіонной переработкѣ его, была внесена въ законъ блокомъ либеральной и консервативной партій, какъ результатъ закулиснаго компромисса

VI.

Изъ постановленій закона заслуживаютъ еще вниманія статьи, говорящія о распусценіи собраній (§ 14) и о налагаемыхъ за нарушеніе закона карахъ (§§ 18, 19).

На распусценіе собранія у полиціи имѣется полномочіе:

во-первыхъ, когда собраніе ведется не на нѣмецкомъ языкѣ безъ соблюденія требованія закона о предварительной за 3 дня заявкѣ;

во-вторыхъ, когда собраніе подъ открытымъ небомъ или уличная процессія устроены безъ должнаго разрѣшенія;

въ-третьихъ, когда представителямъ полиціи отказано въ допущеніи въ собраніе;

въ-четвертыхъ, когда изъ собранія не будутъ удалены вооруженныя лица, и

въ-пятыхъ, когда въ собраніи «обсуждаются предложенія, заключающія призывъ или возбужденіе къ совершенію преступленія или проступка, преслѣдуемаго не въ порядкѣ частнаго обвиненія».

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ нарушенія закона у полиціи имѣется лишь право предъявить къ виновному обвиненіе, но собраніе можетъ спокойно продолжаться. Къ числу такихъ случаевъ относится, наприимѣръ, устройство публичнаго политическаго собранія безъ подачи требуемаго заявленія (и безъ объявленія). Виновный въ созывѣ или веденіи такого собранія наказывается штрафомъ до 150 марокъ съ замѣной въ случаѣ несостоятельности арестомъ. То же самое наказаніе назначено закономъ за допущеніе въ политическое собраніе или фереинъ малолѣтнихъ, а также—для малолѣтняго—за присутствіе въ такомъ собраніи; далѣе, за неотведеніе полиціи на публичномъ собраніи подобающаго мѣста, за отказъ уйти изъ собранія послѣ его распусценія; наконецъ, за непредставленіе полиціи устава политическаго фереина и списка членовъ его правленія.

Еще болѣе строгія наказанія назначены закономъ за особо опасныя—по его мнѣнію—нарушенія, помѣщенные въ § 19. Таковы: устройство собранія

подъ открытымъ небомъ или уличнаго шествія безъ особаго на то разрѣшенія; появленіе въ собраніи вооруженныхъ; устройство или веденіе собранія или произнесеніе рѣчей на собраніи, гдѣ употребляется другой языкъ, кромѣ нѣмецкаго, если оно было созвано безъ соблюденія правилъ Sprachenparagraph a.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ кара составляетъ штрафъ до 300 марокъ съ замѣной арестомъ, или арестъ, какъ самостоятельное наказаніе, до шести недѣль.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 86. 20 іюня 1908 г.

Ст. 604. О размѣрѣ общаго нормальнаго (полезнаго) производства сахара на періодъ 1908—9 гг.

Ст. 605. Объ утвержденіи правилъ присоединенія боровско-малоярославецкой дворянской опеки къ калужской опекѣ.

Ст. 606. Объ установленіи границъ для округа охраны баталинскаго источника.

Ст. 607. Объ утвержденіи инструкции объ употребленіи оружія полицейскими и жандармскими командами.

№ 87. 21 іюня 1908 г.

Ст. 608. Объ установленіи отличительныхъ флаговъ для начальниковъ дивизіоновъ минныхъ судовъ.

Ст. 609. О помѣщеніи на лицевой сторонѣ медалей Императорскаго доно-кубанотерскаго общества сельскаго хозяйства изображенія Его Императорскаго Величества, а на оборотной—Государственнаго герба.

Ст. 610. Объ утвержденіи новой программы для испытанія желающихъ поступить въ общій классъ конкерскихъ училищъ.

№ 88. 21 іюня 1908 г.

Ст. 611. О предоставленіи министру финансовъ совершенія кредитной операціи, не ожидая утвержденія государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1908 г.

Ст. 612. Объ утвержденіи инструкции сенатору назначенному по Высочайшему повелѣнію къ производству ревизіи Туркестанскаго края.

№ 89. 23 іюня 1908 г.

Ст. 613. Объ утвержденіи списковъ должностей, съ занятіемъ которыхъ нижніе чины запаса подлежатъ дѣйствию правилъ особаго учета.

№ 90. 23 іюня 1908 г.

Ст. 614. О выпускѣ третьяго внутренняго 5% займа 1908 г. на нарицательный капиталъ 200.000.000 р. и объ условіяхъ и порядкѣ совершенія сей операціи.

Ст. 615. О назначеніи временнымъ свидѣтельствомъ на облигаціи третьяго внутренняго 5% займа 1908 года цѣнь для пріема означенныхъ свидѣтельствъ въ теченіе второй половины 1908 года въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, по разсрочиваемому акцизу и по обезпеченію таможенныхъ пошлинъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Дѣло о бѣлостокскомъ погромѣ.

Гродненскій окр. судъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

(Отъ спеціального корреспондента).

(Продолженіе.)¹⁾

Слѣдующій свидѣтель Гроновскій даетъ показаніе по поводу бомбы, брошенной на Базарной площади, уголъ Суражской ул. По словамъ этого свидѣтеля, бомба была фитильная. Поджегши фитиль спичкой, неизвѣстный бросилъ ее и побѣжалъ, не отстрѣливаясь отъ преслѣдовавшихъ его солдатъ. Бомба непосредственной опасности не представляла, такъ какъ была брошена болѣе, чѣмъ въ 100 шагахъ отъ процессіи и отъ солдатъ.

Священникъ Баолаевъ, шедшій въ первыхъ рядахъ процессіи, показываетъ, что взрыва бомбы на Александровской ул. у домовъ Рахитиса и Фольмана онъ не слышалъ, а слышалъ только какое-то странное шипѣніе. Послѣ этого шипѣнія сейчасъ же начался погромъ. Свидѣтель уговаривалъ громилъ пощадить евреевъ, но громилы отвѣтили ему, что это не его дѣло. Евреевъ, стрѣлявшихъ въ процессію и въ иконы, свидѣтель не видѣлъ.

Свид. Шабловскую, живущую подъ городомъ, евреи предупреждали не идти съ процессіей, такъ какъ по слухамъ ожидается погромъ.

Свид. Ялайчисъ, братчикъ одного изъ уѣздныхъ православныхъ храмовъ, показываетъ, что, хотя онъ шелъ въ первой половинѣ крестнаго хода, однако, взрыва бомбы по Александровской ул. не слышалъ, но когда они подошли къ домамъ Рахитиса и Фольмана, съ балконовъ протянулись чьи-то руки и раздались револьверные выстрѣлы, которыми была побита икона, бывшая у него въ рукахъ. Кто стрѣлялъ, свидѣтель не знаетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтель обращаетъ вниманіе суда на слѣдующее характерное обстоятельство. Идти во главѣ крестнаго хода было исконной привилегіей бѣлостокскаго духовенства, которой она неизмѣнно пользовалась въ теченіе 18-ти послѣднихъ лѣтъ, на этотъ же разъ бѣлостокское духовенство упорно уговаривало уѣздныхъ священниковъ и братчиковъ стать на его мѣсто во главѣ крестнаго хода. „Словно гоноръ какой-то хотѣли намъ оказать“, — иронически добавляетъ свидѣтель.

Деканъ римско-католическаго костела въ Бѣлостокѣ о. Шварцъ показываетъ, что 31 мая къ нему приходила депутація отъ мѣстнаго еврейскаго общества и говорила, что на завтра ожидается еврейскій погромъ. Депутація просила о. Шварца повліять на паству.

Свидѣтель живетъ въ Бѣлостокѣ 38 лѣтъ и мѣстныя условія знаетъ хорошо. Онъ былъ убѣжденъ, что погрома въ Бѣлостокѣ быть не можетъ, такъ какъ для него не было никакихъ основаній, и никакой озлобленности въ междунациональных отношеніяхъ не существовало. Правда, за послѣднее время, въ отношеніяхъ между христіанами и евреями чувствовалась нѣкоторая натянутость на почвѣ недовольства тѣмъ обстоятельствомъ, что среди еврейской молодежи было слишкомъ много социалистовъ. Но это о. Шварцъ готовъ объяснить тѣмъ, что и вообще среди мѣстнаго населенія—евреевъ отъ 60 до 80%. Но, хотя эта натянутость послѣ убійства Деркачева, приписывавшагося евреямъ, увеличилась еще больше, все-таки она ни въ коемъ случаѣ не была такова, чтобы могла перейти въ еврейскій погромъ.

Въ этомъ смыслѣ о. Шварцъ далъ успокоительныя завѣренія и еврейской депутаціи.

1-го іюля смятеніе возникло прежде всего у костела, когда въ толпу вѣхалъ съ крикомъ: „бомба!“—извозчикъ съ поднятымъ верхомъ пролетки. Моля-

¹⁾ См. „Право“, № 23.

шихся удалось духовенству успокоить и послѣ молебна католическая процессія тронулась въ путь. Проходя по Базарной площади участники процессіи видѣли брошенную на довольно значительномъ разстояніи отъ нихъ бомбу. По дорогѣ къ кладбищу св. Роха процессія подверглась обстрѣлу, но пострадавшихъ отъ послѣдняго кажется не было.

— Кто же стрѣлялъ?—интересуется защитникъ.

— Обвиняли и евреевъ, и войско, и полицію.

Слѣдующимъ допрашивается прогоіерей мѣстнаго кафедральнаго собора о. Зелинскій, шедшій во главѣ крестнаго хода. Покуда, крестный ходъ шелъ по Николаевской ул., а затѣмъ по первой половинѣ Александровской ул., на улицахъ былъ полный порядокъ и тишина, не нарушавшіеся ничѣмъ. Но когда крестный ходъ поровнялся съ зданіемъ городской управы (на углу Институтской ул.), послышалось какое то шипѣніе и, тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, откуда то раздались выстрѣлы, послѣ чего возникла страшная паника. Со всѣхъ сторонъ слышались стоны, плачь, возгласы...

— И возгласы возмущенія евреями, какъ утверждаетъ обв. актъ?—интересуются повѣрен. гражд. истцовъ.

— Нѣтъ, такихъ возгласовъ я не слышалъ.

Отведя остатки крест. хода обратно въ соборъ, о. Зелинскій пошелъ домой, чтобы немного отдохнуть и успокоиться. Но вскорѣ ему доложили, что на улицахъ грабятъ еврейскія лавки. Свидѣтель вышелъ и сталъ убѣждать громилъ прекратить погромъ. Та группа, къ которой обратился о. Зелинскій, „устыдилась“ и ушла.

Свидѣтель живетъ въ Бѣлостоцѣ давно и никакой вражды между отдѣльными національностями въ краѣ онъ не замѣчалъ.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Абельсонъ пробуетъ установить, изъ кого именно набирались шедшіе во главѣ крестнаго хода братчики и хоругвеносцы, среди которыхъ впервые возникло смятеніе и послышались крики: «бей жидовъ»!

О. Зелинскій показываетъ, что во многихъ храмахъ это былъ по преимуществу элементъ постоянный, но возможно, что во многихъ отдѣльных случаяхъ среди нихъ были и люди случайные. Въ частности для бѣлостокскаго собора на этотъ разъ списокъ братчиковъ и хоругвеносцевъ былъ составленъ ктитормъ собора Березинымъ.

Слѣдующимъ допрашивается Березинъ, б. ктиторъ собора, а нынѣ председатель отдѣла союза рускаго народа въ Староселицахъ подъ Бѣлостокомъ.

Показанія свидѣтеля, данныя имъ на вопросъ председателя, сводятся къ слѣдующему. Шелъ онъ во главѣ крестнаго хода, рядомъ съ духовенствомъ. Взрыва бомбы «за выстрѣлами» не слышалъ. Выстрѣлы раздавались изъ домовъ Маковского, Рахитиса и Фольмана. Кто стрѣлялъ, свидѣтель не видѣлъ. Затѣмъ съ свидѣтелемъ сдѣлался нервный припадокъ и онъ ушелъ домой. Въ 5 часовъ онъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ видѣлъ нѣсколько разгромленныхъ лавокъ, погромщиковъ же не встрѣтилъ никого.

На вопросъ прокуратуры и гражданскихъ истцовъ свидѣтель показываетъ, что смятеніе въ крестномъ ходѣ возникло, когда на Институтской улицѣ къ головной его части подбѣжали нѣкій Вильчинскій и крикнулъ, что въ католическую процессію брошена бомба. Братчики тогда остановились и стали совѣтываться, идти ли дальше. И вотъ въ это-то время и раздались выстрѣлы.

Недовольство евреями въ краѣ наблюдалось на почвѣ террора. И въ процессію, по слухамъ, стрѣляли евреи.

Присяжный повѣренный Вейсманъ обращаетъ вниманіе суда на то обстоятельство, что свидѣтель показываетъ на основаніи слуховъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ, и, такимъ образомъ, подмѣняетъ факты дымомъ.

Тогда свидѣтель заявляетъ, что показаніе свое о еврейской стрѣльбѣ онъ основываетъ отчасти на данныхъ епархіальнаго разслѣдованія, которое онъ производилъ. Если бы нынѣ дѣло шло о стрѣльбѣ въ процессію, онъ бы эти документы привезъ. Но онъ былъ вызванъ по дѣлу какого-то неизвѣстнаго ему Букуловича и др., по обвиненію ихъ по 269 ст. ул. о нак. Что это дѣло имѣетъ отношеніе къ нападенію евреями на крестный ходъ, онъ не зналъ, потому и не захватилъ съ собою данныхъ епархіальнаго дознанія. Если судъ желаетъ съ ними ознакомиться, то пусть его отпустятъ домой, и онъ ихъ сейчасъ же привезетъ.

Вообще, ни о какомъ погромѣ онъ ничего не знаетъ, только, какъ изъ какого того часового магазина вынесли «какіе то пустяки»,—будильникъ и т. п. и бросили на улицѣ. Больше онъ ничего не видѣлъ.

— Но вѣдь, вы же знаете, что былъ погромъ?—спрашиваетъ повѣренный истцовъ, прис. пов. А. И. Гиллерсонъ.

— Слышалъ.

— А о томъ, что было убито 80 евреевъ, знаете?

— Нѣтъ.

— Какъ такъ—«нѣтъ»?

— Такъ. Неправда это. Не 80 евреевъ было убито, а всего 79.

Затѣмъ, даетъ показаніе учитель церковно-приходской школы г. Котовичъ исполнявшій во время крестнаго хода обязанности хоругвеносца и шедшій въ головной части. Свидѣтель Котовичъ показываетъ, что смятеніе и беспорядокъ въ крестномъ ходѣ начались не послѣ обстрѣла процессіи изъ домовъ, а до этого; тотчасъ же послѣ того, какъ снизу, по Институтской ул. къ головной части крестнаго хода подбѣжали нѣсколько человекъ, между которыми былъ и полицейскій, и крикнули, что въ католическую процессію брошена бомба. Послѣ того возникла паника и нѣкоторые изъ толпы начали кричать: «это все жида. Довольно мы терпѣли». Свидѣтель пробовалъ успокоить толпу, но на него набросились съ возмущеніемъ крича: «Православный, а за жидовъ!» Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, вскорѣ послѣ которыхъ прибѣжали солдаты и начали обстрѣливать дома Фольмана, Рахитиса и Маковского.

Свидѣтель распорядился тогда внести хоругви въ свою квартиру, расположенную какъ разъ на углу Институтской и Александровской ул. Въ корридоръ того дома, гдѣ онъ жилъ, сейчасъ же начали вносить раненныхъ и врачъ еврейской больницы д-ръ Эпштейнъ началъ оказывать имъ первую помощь, пользуясь перевязочными средствами изъ находившейся пососѣдству и уже разгромленной аптеки. Вату прямо подбирали на мостовой. У одной изъ женщинъ изъ раны вынули какую то блестящую завитушку.

Выстрѣлы изъ домовъ Рахитиса, Маковского и Фольмана, которыми были ранены эти люди, сдѣланы были евреями.

— Позвольте, почему вы такъ увѣренно говорите это?

— А кому же больше стрѣлять!

— Только по этому?

— Да, только... Не будутъ же стрѣлять христіане.

На вопросъ прис. пов. Скарятинъ свидѣтель устанавливаетъ слѣдующіе моменты, характеризующіе дѣятельность войскъ во время погрома: 1) свидѣтель видѣлъ изъ окна, какъ по срединѣ Александровской улицы бѣжала группа вооруженныхъ солдатъ, сопровождаемая толпой громилъ, которые кричали «идемъ на Ханайку бить жидовъ». Бѣжали они именно по направленію къ Ханайкѣ. Толпу эту встрѣтилъ какой-то офицеръ и, очевидно, остановивъ солдатъ: и громилъ, сталъ имъ что-то говорить, но толпа дер-

жала себя по отношенію къ офицеру весьма враждебно, ни громилы, ни солдаты не остановились и скоро скрылись за угломъ. 2) Послѣ обстрѣла солдатами домовъ Рахитиса, Фольмана и Маковского солдаты остались тутъ же на улицѣ, а толпа громиль на глазахъ у нихъ стала избивать колями евреевъ. Свидѣтель видѣлъ изъ оконъ своей квартиры, какъ громилы убили такимъ образомъ троихъ евреевъ, въ томъ числѣ одну женщину. Солдаты же стояли и смотрѣли на это совершенно спокойно. Самъ свидѣтель помочь несчастнымъ не могъ, такъ какъ долженъ былъ охранять свою квартиру, куда спрятались также нѣсколько евреевъ.

Враждебныхъ отношеній между христіанами и евреями въ городѣ не было и во время погрома спасали евреевъ не только свидѣтель, но и другіе христіане.

Слѣдующимъ допрашивался участникъ католической процессіи ксендзъ Колль. Свидѣтель удостовѣряетъ, что лавки громились на глазахъ у спокойно наблюдавшихъ за этимъ солдатъ. Свидѣтель видѣлъ, какъ изъ одной лавки, которую въ это время громили, вышелъ какой-то военный, вынесъ съ собою какой-то предметъ и разбилъ его о мостовую.

Видѣлъ свидѣтель и городского, который въ компаніи громиль распивалъ вино только что разгромленнаго ренскогого погреба.

2-го іюня свидѣтель видѣлъ, какъ какой-то еврей, спасаясь отъ преслѣдовавшихъ его громиль, подбѣжалъ къ солдатамъ, умоляя ихъ о помощи, но тѣ со смѣхомъ оттолкнули.

Свидѣтель 1-го іюня вмѣстѣ съ католической процессіей ходилъ на кладбище св. Роха и, дѣйствительно, по дорогѣ слышалъ выстрѣлы, но выстрѣлы эти были произведены какимъ-то городовымъ, стрѣлявшимъ въ проходившихъ мимо еврея и еврейку.

Послѣ допроса этого свидѣтеля, председательствующій г. Степановъ объявляетъ, что, согласно состоявшемуся постановленію, со слѣдующаго дня засѣданія суда будутъ происходить ежедневно съ 10 до 3 ч. и съ 6 до 11 ч. веч., такъ какъ дѣло во что бы то ни стало необходимо закончить къ 9 іюня, когда въ г. Гроднѣ начинается очередная сессія окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Протестъ повѣренныхъ гражд. истцовъ оставляется безъ вниманія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Прав. сенатъ разъяснилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, вмѣсто предоставленія подводъ и лошадей въ натурѣ, земство предполагаетъ отпускать на сей предметъ должностнымъ лицамъ разѣздныя деньги, самый размѣръ отпускаемой суммы можетъ быть установленъ лишь соглашеніемъ земства съ подлежащимъ начальствомъ (18—VI—7907).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что на земскихъ врачей не распространяется высочайшее повелѣніе 6 февраля 1904 г., такъ какъ таковыми врачамъ, хотя и бывають предоставлены права государственной службы, но лишь по отношенію къ чиновничьему производству и т. п. и не касаются содержанія и самихъ должностей, которыя врачи эти занимають по вольному найму, на основаніи договорныхъ соглашеній съ земскими управами, а потому и сохраненіе за означенными лицами ихъ должностей, за время состоянія

въ отрядахъ краснаго креста, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія земскихъ учрежденій. (16—VI—7556).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что для опредѣленія момента утраты ценза избирателемъ рѣшающее значеніе имѣетъ время прекращенія владѣнія имуществомъ, а не моментъ укрѣпленія этого имущества за новымъ владѣльцемъ. (16—VI—7567).

Правит. сенатъ разъяснилъ, что въ распоряженіи капиталами, образованными земствами по собственному почину согласно п. 9 ст. 62 пол. 1892 г. земскія учрежденія ни въ чемъ не ограничены дѣйствующимъ закономъ и поэтому могутъ не только производить изъ оныхъ по своему усмотрѣнію долгосрочные займы, но и обращать наличность такихъ капиталовъ въ части или полностью на покрытіе безвозвратныхъ расходовъ. (16—VI—7575).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что въ дѣлахъ по торговой администраціи обязательными для всѣхъ кредиторовъ должника должны почитаться лишь такія рѣшенія общаго собранія кредиторовъ, которыя касаются хозяйственныхъ распоряженій относительно имущества должника, такъ какъ усмотрѣнію большинства кредиторовъ предоставлено распоряженіе имуществомъ должника лишь въ хозяйственномъ отношеніи. Поэтому опредѣленіе общаго собранія кредиторовъ о выдачѣ администраторамъ дополнительнаго вознагражденія за счетъ заимодавцевъ въ размѣрѣ 1 проц. съ суммы претензіи каждаго кредитора, для меньшинства заимодавцевъ, не присоединившихся къ постановленію общаго собранія, не обязательно.

Совѣтъ министровъ 8 іюля одобрилъ для внесенія въ гос. думу законопроектъ министерства юстиціи объ измѣненіи отвѣтственности за похищеніе и поврежденіе чужого лѣса, а также за самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе его. По новому законопроекту самовольная порубка чужого лѣса опредѣляется какъ кража, въ виду чего виновные въ таковой привлекаются къ общей уголовной отвѣтственности, причемъ обвиняемые не могутъ уже, какъ нынѣ, прекратить дѣло внесеніемъ слѣдующихъ съ нихъ въ пользу лѣсовладѣльца взысканій и возвращеніемъ ему похищеннаго или срубленнаго лѣса. Разрѣшеніе дѣлъ о порубкахъ передается судебнымъ установленіямъ, а также установленіямъ, образованнымъ по закону 12 іюля 1889 г., а административное ихъ разрѣшеніе отменяется. Отменяется также и опредѣленіе дѣйствующимъ закономъ взысканія въ пользу лѣсовладѣльца двойной стоимости похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса.

Министръ торговли и промышленности внесъ въ государственную думу 28 іюня проектъ новаго закона о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Основныя положенія новаго законопроекта сводятся къ слѣдующему.

Дѣйствию положенія о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ подчиняются тѣ фабрично-заводскія, горныя и горнозаводскія, желѣзнодорожныя, судоходныя по внутреннимъ водамъ и трамвайныя предпріятія, въ которыхъ при числѣ постоянно занятыхъ рабочихъ не менѣе 20, примѣняются паровые котлы или машины, приводимыя въ дѣйствіе силами природы, а равно тѣ изъ вышеуказанныхъ предпріятій, въ которыхъ хотя и не примѣняются паровые котлы или означенныя машины, но число постоянно занятыхъ рабочихъ не менѣе 30.

Дѣйствию новаго закона не подчинены предпріятія казенныхъ управленій и обществъ желѣзныхъ дорогъ общаго пользованія, равно какъ предпріятія, принадлежащія земствамъ и городамъ. Страхованію подлежатъ всѣ безъ различія пола и возраста лица, кои по найму получаютъ содержанія, включая и довольствіе натурою, въ общемъ итогѣ не свыше 1.500 р. въ годъ и заняты работою предпріятія или службою въ немъ.

Во всѣхъ предусмотрѣнныхъ новымъ закономъ случаяхъ къ рабочимъ приравниваются и служащіе въ поименованныхъ предпріятіяхъ, если они получаютъ не болѣе 1.500 р. въ годъ.

Страхованіе осуществляется въ страховыхъ товариществахъ. Участниками этихъ товариществъ состоятъ владѣльцы предпріятій. Страхованіе осуществляется за счетъ владѣльцевъ предпріятій. Лица эти несутъ круговую по обязательствамъ товариществъ отвѣтственность, порядокъ осуществленія коей опредѣляется уставами отдѣльныхъ товариществъ. Страховыя лица пользуются вознагражденіемъ за счетъ страховыхъ товариществъ въ случаѣ утраты трудоспособности отъ несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ при работахъ предпріятія. Если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть пострадавшихъ, то выдачами пользуются члены его семейства. Страховое товарищество освобождается отъ обязанности предоставить вознагражденіе пострадавшему только въ томъ случаѣ, если оно докажетъ, что причиною несчастнаго случая былъ злой умыселъ самого пострадавшаго.

Всякія, предшествовавшія несчастному случаю, соглашенія, клонящіяся къ устраненію или къ ограниченію права на вознагражденіе, или къ уменьшенію его размѣровъ, признаются недействительными. Вознагражденіе пострадавшимъ производится изъ средствъ страховыхъ товариществъ въ видѣ пособій и пенсій; вознагражденіе членовъ семействъ пострадавшихъ—въ видѣ пенсій. Пособія назначаются въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ средняго поденнаго заработка пострадавшаго и уплачиваются по день возстановленія трудоспособности или по день, съ коего назначена пенсія. Пенсіи пострадавшихъ назначаются въ случаяхъ постоянной утраты ими трудоспособности: при полной утратѣ въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ годового содержанія пострадавшаго, а при не полной—въ уменьшенномъ размѣрѣ, опредѣляемомъ соотвѣтственно степени утраты трудоспособности. Утрата менѣе 5% трудоспособности не даетъ права на пенсію. Въ случаѣ сумасшествія, полной слѣпоты, потери обѣихъ рукъ или ногъ, пенсія назначается въ размѣрѣ полного годо-

вого содержанія пострадавшаго. Пенсія пострадавшихъ малолѣтнихъ, не достигшихъ 15-лѣтняго возраста и подростковъ, не достигшихъ 17 лѣтъ, по достиженіи малолѣтнимъ возраста подростковъ, а подростками—возраста взрослыхъ рабочихъ, увеличивается въ соразмѣрности съ возрастаніемъ средней поденной платы чернорабочему для означенныхъ возрастныхъ группъ, при чемъ пенсія не должна превышать размѣра двойной платы взрослому чернорабочему.

Въ случаѣ смерти пострадавшаго, причиненной несчастнымъ случаемъ и послѣдовавшей не позднѣе 2 лѣтъ со дня несчастнаго случая, или же позднѣе, если леченіе продолжалось непрерывно, товарищество обязано: 1) возмѣститъ издержки по погребенію умершаго въ предѣлахъ нормъ, установленныхъ въ положеніи объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни, 2) назначить пенсіи членамъ семейства умершаго. Пенсіи членамъ семейства производятся въ размѣрѣ слѣдующихъ долей годового содержанія умершаго: 1) вдовѣ—въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ пожизненно; 2) дѣтямъ обоюго пола: законнымъ, узаконеннымъ, усыновленнымъ и вѣбическимъ, а равно воспитанникамъ и пріемышамъ до достиженія ими 15 лѣтняго возраста, каждому въ размѣрѣ: $\frac{1}{6}$ —при жизни одного изъ родителей и $\frac{1}{4}$ —круглымъ сиротамъ; 3) родственникамъ въ прямой восходящей линіи пожизненно каждому—въ размѣрѣ $\frac{1}{6}$; 4) братьямъ и сестрамъ, круглымъ сиротамъ, до достиженія ими 15-лѣтняго возраста каждому—въ размѣрѣ $\frac{1}{6}$. Пенсіи эти подлежатъ назначенію: 1) вдовѣ, если она вступила въ бракъ съ пострадавшимъ до приключившагося съ нимъ несчастнаго случая; 2) узаконеннымъ и усыновленнымъ дѣтямъ, а равно воспитанникамъ и пріемышамъ, если ихъ узаконеніе, усыновленіе и принятіе на воспитаніе и въ семью состоялось ранѣе постигшаго рабочаго несчастнаго случая. Общая совокупность пенсій, причитающихся всѣмъ членамъ семейства умершаго, не должна превышать $\frac{2}{3}$ годового его содержанія.

Годовое содержаніе пострадавшимъ опредѣляется слѣдующимъ порядкомъ: 1) сумма, дѣйствительно заработанная пострадавшимъ въ данномъ предпріятіи въ теченіе года, предшествовавшаго дню несчастнаго случая, дѣлится на число дней, проведенное пострадавшимъ въ томъ же году на работѣ, и 2) полученный такимъ путемъ средній поденный заработокъ помножается въ предпріятіяхъ, дѣйствующихъ круглый годъ, на 260, а въ предпріятіяхъ, дѣйствующихъ часть года,—на число рабочихъ дней, составляющее обычный для такихъ предпріятій періодъ дѣйствія, при чемъ къ полученному произведенію прибавляется сверхъ того сумма, исчисляемая помноженіемъ средней поденной платы чернорабочему на разность между 260 и обычнымъ для даннаго предпріятія числомъ рабочихъ дней. Средняя поденная плата чернорабочимъ опредѣляется, по мѣстнымъ даннымъ, на каждое трехлѣтіе, отдѣльно для обоеихъ половъ и для трехъ возрастныхъ группъ присутствіями по дѣламъ страхованія рабочихъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе. По желанію пенсионеровъ и съ согласія страхового товарищества, пенсіи могутъ

быть замѣняемы, если онѣ не превышаютъ 5 руб. въ мѣсяцъ и при томъ 20 проц. годового содержанія пострадавшаго, единовременными выдачами, исчисляемыми на особѣхъ основаніяхъ.

На дняхъ министръ юстиціи Щегловитовъ разрѣшилъ, по представленію совѣта прис. пов. округа с.-петербургской судебной палаты, принять въ прис. пов. 4 евреевъ—помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ томъ числѣ М. І. Могилевскаго, Л. И. Барона и С. И. Хоронжицкаго. Двое изъ нихъ были представлены совѣтомъ въ ноябрѣ прошлаго года, а двое въ апрѣлѣ тек. года.

Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ московскаго окружнаго суда Головня закончилъ возбужденное по распоряженію 1-го департамента сената по собственной инициативѣ сенатора Нарышкина слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Печерскомъ лѣсничествѣ Вологодской губерніи. Следственными властями собранъ по этому дѣлу обширный матеріалъ, не подтверждающій донесеніе мѣстнаго ревизора Скаковского и о миллионныхъ убыткахъ казны, и о злоупотребленіяхъ со стороны бывшаго министра земледѣлія Никитина, управляющаго государственными имуществами Вологодской губ. д. ст. сов. Павловскаго и еще нѣсколькихъ лицъ. Въ 1891 г. министерство земледѣлія заключило съ фирмой Ульсенъ-Стальте и К^о контрактъ, предоставляющій этой фирмѣ право въ теченіе 13-ти лѣтъ вывезти изъ Печерскаго лѣсничества 1.300 тысячъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ, что должно было дать свыше 1 миллиона рублей. При полученіи на мѣстѣ контракта мѣстный лѣсничій провѣрилъ правильность границъ лѣсничества. Провѣрка показала, что карты, составленныя министерствомъ земледѣлія въ 1888 г., невѣрны. Лѣсничій въ свою очередь сдѣлалъ крупную ошибку, отодвинувъ границу на 13 верстъ въ глубь лѣсничества. Фирма Ульсенъ-Стальте и К^о, вырубая лѣсъ въ Печерскомъ лѣсничествѣ, вывозила его для сплава на рѣчки системы бассейна Сѣверной Двины, гдѣ примѣняется болѣе высокая такса, нежели указанная въ контрактѣ. По Сѣверо-двинской системѣ фирма вывезла 62 тысячи бревенъ. Это-то обстоятельство и послужило для доноса о злоупотребленіяхъ и убыткахъ казны и о вывозѣ лѣса на другую систему. Между тѣмъ инициаторы слѣдствія упустили изъ виду, что такса взимается по мѣсту рубки лѣса, а не по мѣсту его склада, и фирма имѣла право складывать вывезенный изъ Печерскаго лѣсничества лѣсъ не только по рѣкамъ Сѣверо-двинскаго бассейна, но и въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д. Следственные власти пришли къ заключенію, что въ данномъ дѣлѣ со стороны мѣстной лѣсной администраціи, а также чиновъ министерства земледѣлія не было никакихъ корыстныхъ цѣлей, и казна не понесла никакихъ убытковъ, ибо такса была примѣнена правильно.

Въ гражданскомъ отдѣленіи петербургскаго окружнаго суда слушалось дѣло, имѣющее крупный общественный и принципіальный интересъ. Въ 1905 году

въ Прибалтійскомъ краѣ карательнымъ отрядомъ подъ командою князя Енгальчева былъ разстрѣлянъ купецъ Преде. Въ виду того, что жизнь Преде была застрахована въ генеральномъ обществѣ страхованія въ 5 тысячъ рублей, наслѣдники обратились къ этому обществу за полученіемъ страховой преміи. Генеральное общество, ссылаясь на то, что разстрѣлъ карательнымъ отрядомъ можно приравнять къ смертной казни, а послѣдней сопутствуетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, отказало въ уплатѣ страховой суммы. Отъ имени наслѣдниковъ Преде прис. повѣр. Полыновъ возбудилъ въ окружномъ судѣ искъ, при чемъ указывалъ, что разстрѣлъ карательнымъ отрядомъ не можетъ считаться уголовнымъ наказаніемъ и приравниваться къ смертной казни по приговору суда. Согласившись съ доводами истца, окружный судъ опредѣлилъ взыскать съ генеральнаго общества въ пользу наслѣдниковъ Преде 5 тысячъ рублей съ процентами.

Въ послѣднемъ засѣданіи петербургской судебной палаты по гражданскому департаменту при разборѣ нѣсколькихъ однородныхъ исковыхъ дѣлъ разрѣшенъ вопросъ, имѣющій принципіальное значеніе. Повѣреннымъ трехъ рабочихъ заводовъ путиловскаго и Розенкранца предъявлены были иски съ требованіемъ уплатить вознагражденіе за полученныя ими на заводѣ увѣчья, вызвавшія утрату работоспособности. При этомъ повѣреннымъ истцовъ возбужденъ былъ вопросъ о необходимости при опредѣленіи размѣра вознагражденія за утрату здоровья считаться съ тѣмъ, какимъ было состояніе здоровья рабочаго при поступленіи его на службу на заводъ, а это поднимаетъ размѣръ вознагражденія на 30—40 процентовъ. Окружный судъ съ доводами представителя пострадавшихъ рабочихъ согласился и разрѣшилъ вопросъ въ смыслѣ, благопріятномъ для истцовъ-рабочихъ. Дѣло по жалобѣ отвѣтчиковъ перешло въ судебную палату, которой рѣшеніе окружнаго суда утверждено.

Московскій генералъ-губернаторъ оштрафовалъ редактора газеты «Русскія Вѣдомости» на 3.000 рублей за перепечатку изъ петербургскихъ газетъ статьи Л. Толстого «Не могу молчать».

Въ Саратовѣ казнень Карабановъ.

Въ Минскѣ повѣшенъ Конопчукъ.

Въ Вильнѣ повѣшенъ Ясенвиль.

Въ Екатеринославѣ казнены два человѣка: Брауденкъ и Сауке.

Въ Одессѣ повѣшены девять человѣкъ: Шіановъ, Лугуновъ, Чхикишвили, Гукъ, Енаний, Бондарь, Коландатзе, Прасанюкъ и Ольшанскій.

Отвѣты редакціи.

Подписчику № 280.

Вправъ ли лицо, принявшее въ закладъ движимое имущество и оставившее его во владѣніи должника безъ наложенія печатей, при продажѣ заложенного имущества съ аукціона доказывать свидѣтельскими показаніями тождество проданнаго имущества съ заложеннымъ, чтобы получить преимущественное удовлетвореніе изъ вырученныхъ денегъ?

Займодавецъ по закладной на движимость, оставившій заложенное имущество у должника и не обезпечившій свое право наложеніемъ на него

внѣшнихъ признаковъ заклада, не пользуется правомъ предпочтительнаго удовлетворенія передъ другими кредиторами, о закладѣ неосвѣдомленны-ми. Срв. р. г. к. д. 78 г. № 117 и др.

Редакція доводитъ до свѣдѣнія и. подписчиковъ, что, давая годовымъ подписчикамъ бесплатныя отвѣты исключительно на точно и абстрактно формулированныя юридическіе вопросы, она не даетъ бесплатныхъ консультацій по дѣламъ, не наводитъ справокъ и не рекомендуетъ повѣренныхъ, и по запросамъ такого рода ни въ какую переписку не входитъ.

Редакція проситъ и. подписчиковъ къ своимъ письмамъ прилагать печатный адресъ, по которому получается „Право“.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 21-ое іюля, по 1 экспед. судебн. д-та.

Частныя: о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ имуществъ: Петрова, Смирновыхъ, Брунсъ, Дементьевой, Свѣнтоховскаго, Севорцова, Гегевичъ, Айзенштадтовъ, Матушинскаго, Молоканова, Леонтьева, Северина, Павлова, Лозинской, Милевичъ, Кожевникова, Глинскаго, Траутъ, гр. Толя, Цонина, Эльканъ, Чиликиныхъ, Ивліевой, Россохацкихъ, Загренова, Зейфертъ, Сенявина, Каганъ, Синявскихъ, Родіоновыхъ, Парусиновыхъ, Панфиловичъ.

На 21-ое іюля, по 2 экспед. судебн. д-та.

Частныя: о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ имѣній: Подосинникова, Милюковыхъ, Гословскаго, Ши-

роковыхъ, Самойленко, Акимовой, Махотинныхъ, Гинзбурговъ, Усковыхъ, Лобовыхъ, Карпушкиныхъ, Браславскихъ, Нагурской, Федорюковъ, Финогѣевыхъ, Афанасьевыхъ, Стрѣлковскихъ, Батюшкова; объ освидѣтельствovanіи умственныхъ способностей: Поповой, Некрасова, Киселева, Леонтьева, Соколова; Шагиной, Подгородникова, Крыжановскаго, Люценко, Трембицкаго, Крыжевой, Рубинштейна, Розанова, Меликова, Аврориной, Комарова, Авилова-Кузубова, Строгова, Майлиса, Дыниной, Ивановой, Арбузовой, Гинзбургъ, Лапкина.

Издатель, приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ: І. Е. Фриде.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Страховое Общество „РОССІЯ“

отнынѣ заключаетъ также страхованія

ОТЪ КРАЖЪ СО ВЗЛОМОМЪ.

Этимъ родомъ страхованія предоставляется возможность обезпечивать возмѣщеніе убытковъ не только отъ кражи со взломомъ движимаго имущества всякаго рода, но и отъ могущей при этомъ случиться порчи помѣщенія и обстановки.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи, въ С.-Петербургѣ (Морская, № 37) и въ Отдѣленіяхъ и Агентствахъ Общества.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Абрамовичъ, Файга (отч. не указ.).	С. о. 17 іюля № 57. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 716.	Варшавск. к. с.
Бочаровъ, Дмитрій Семеновъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 723.	Курск. о. с.
Бернцвайгъ, Шія (отч. не указ.).	С. о. 21 іюля. № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 727.	Радомск. о. с.
Бокисъ, Янъ Яновъ, кр.	С. о. 23 іюня № 50. Попечительство надъ личн. и имущ. по слабоумію. Р. VII, ст. 261.	Митавск. о. с.
Емановъ, Иванъ Григорьевъ, дв.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ имущ. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 260.	Хоперск. окр. о.
Зелингеръ, Севастіанъ Антоновъ.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 725.	Херсонск. о. с.
Ивановъ, Иванъ, кр.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa за расточительство. Р. VII, ст. 263.	Рождественск. волости, ст. Валдайск. у.
Кузьминъ, Никита Кузьминъ.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 722.	Казанск. о. с.
Карали, Марья Иванова, разв. жен. купца.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ личн. имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 264.	Спб. с. с.
Михайловъ, Аверьянъ, кр.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa за расточительство. Р. VII, ст. 263.	Рождественской волости, ст. Валдайск. у.
Орловъ, Алексѣй Ивановъ, отст. капит.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 266.	Спб. с. с.
Поповъ, Дмитрій Фоминъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 724.	Самарск. о. с.
Подгорковъ, Федоръ Михайловъ, мѣщ.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ имущ. по нетрезв. и расточит. жизни. Р. VII, ст. 259.	Иваново-Вознес. с. с.
Татарникова, Любовь Михайлова, мѣщ.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ личн. и имущ. по разстройству умствен. способностей. Р. VII, ст. 267.	Тульск. с. с.
Чучина, Софья, дочь пот. поч. гр.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 258.	Астраханск. с. с.
Эмери, Энохъ, америк. гражд.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ личн. и имущ. по разстр. умствен. способн. Р. VII, ст. 262.	Московск. с. с.
Юрьевъ, Тимофей Ларіоновъ, мѣщ.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 265.	Спб. с. с.
Яковлевъ, Иванъ, кр.	С. о. 23 іюня № 50. Опекa за расточительство. Р. VII, ст. 263.	Рождественской волости, ст. Валдайск. у.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ рас- публиковано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произве- ло публикацію
Клячко, Хаймъ (Ефимъ) Вульфъ.	С. о. 7 іюля № 54. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1908 г. № 21, ст. 263), за прекращ. претензій. Р. VIII, ст. 202.	Спб. к. с.
Михайловское горнозаводское акц. общ.	С. о. 7 іюля № 54. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 27, ст. 321), за отмѣной опред. суда объ открыт. несост. по преждевременности. Р. VIII, ст. 203.	Спб. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ рас- публиковано объ уничтоженіи.	Установленіе которое произве- ло публикацію.
Воронцовымъ, Константиномъ Семеновымъ, кр.	Шиховскому, Алексан- дру Степанову, кр.	С. о. 16 іюня № 48. У резсинск. нот. Вишневекаго, 3 февраля 1908 г. № 161. Р. IV, ст. 219.	Кишиневск. о. с.
Гребенянской, Серафимой Николаевой, вѣд. куп.	Введенскому, Ивану Алексѣеву, поч. гр.	С. о. 16 іюня № 48. У новосильск. нот. Вознесенскаго, въ февралѣ 1907 г. Р. IV, ст. 220.	Орловск. о. с.
Кривцовой, Маріей Михайло- вой, кр.	Кривцову, Федору Де- меньеву, кр.	С. о. 16 іюня № 48. У ливенск. нот. Перепелкина, 30 іюля 1907 г. № 1226. Р. IV, ст. 221.	Елецк. о. с.
Марьенко, Алексѣемъ Георгіе- вымъ, отст. урядн.	Марьенко, Ивану Георгіе- ву, урядн.	С. о. 16 іюня № 48. У нѣст. сел. Бѣлой-Глибы, 2 іюня 1905 г. № 199. Р. IV, ст. 222.	Ставроп. о. с.
Павловымъ, Александромъ Спиридоновымъ, г.-л.	Мелуху, Антонію Архипову, мѣщ.	С. о. 16 іюня № 48. У кievскаго нот. Кольчовскаго (свѣд. нѣтъ). Р. IV, ст. 224.	Павловъ, Ал. Спир. г.-л.
Чаплинскимъ, Саввою Эрне- стовымъ, кр.	Чаплинскому, Михаилу Эрнестову, кр.	С. о. 16 іюня № 48. У нот. г. Вознесенска Клевковскаго, 18 іюня 1900 г. № 655. Р. IV, ст. 223.	Одеск. о. с.